

ОЛЕТ ДИВОВ

СТРЕЛЬБА
ПО ТАРЕЛКАМ

Олег Игоревич Дивов

Стрельба по тарелкам (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=269592
Олег Дивов Стрельба по тарелкам: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-39204-9*

Аннотация

Опять у Дивова все не так. Пока нормальные фантасты пишут про то, как на Земле кончилась нефть (вода, еда, совесть, нужно подчеркнуть), этот сочиняет историю мира, где кончились... деньги. И там прекрасно живут люди. Только один крестьянин прикупил у городских пушку за ведро самогона. Мало ли, вдруг пригодится. Кто бы знал, что для стрельбы по тарелкам...

Новые рассказы Олега Дивова с виду очень разные. Здесь учат летать самолеты. Исследуют природу Времени. Гоняются за старыми друзьями, чтобы «нейтрализовать» их. Товарищ Сталин проигрывает битву с дураками. А простые рабочие пьют водку с наночастицами в подсобке секретного завода «Нанотех»...

В одной книжке – весь спектр фантастики, от «космической НФ» до острой сатиры и даже политического анекдота. А на самом деле это истории о людях, которые хоть и твердят, будто «работают за деньги», но живут ради чего-то большего.

Как обычно у Дивова.

Содержание

Рассказы	4
Мы работаем за деньги	4
Нанотехнология	34
Слабое звено	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Олег Дивов

Стрельба по тарелкам (сборник)

Рассказы

Мы работаем за деньги

На крыльце полицейского участка сидели двое. Один лохматый, волосы до плеч, другой лысый, а может, бритый. У лохматого под правым глазом светился фиолетовый синяк. У лысого – или бритого – поперек головы было что-то написано то ли губной помадой, то ли просто красным маркером.

Лохматый блаженно шурился на утреннее солнышко. Лысый то и дело морщился, кашлял и иногда осторожно поглаживал горло.

Тяжело ступая, пришел немолодой лейтенант, грузный, усатый, в выцветшей фуражке. Поглядел на утренних гостей так, словно они тут и должны были сидеть. Гости подвинулись на крыльце, давая ему дорогу. Полисмен отпер участок и исчез внутри, не прикрыв за собой дверь. Послышалась деловитая возня – двигались стулья, открывались и закрывались ящики, шумно закипела вода. Потом раздалось глухо:

– Ну заходите.

Двое вошли в полутемную комнатку и остановились перед большим письменным столом – плечом к плечу, будто в строю.

– Габриель Барро, – представился лохматый. – Свободный художник.

– Эгон Эрвин Кнехт, – произнес лысый хрипло. – Писатель-профессионал.

Подумал секунду и добавил:

– Дорого.

Лохматый недовольно покосился на лысого:

– Это, конечно, было обязательно.

– Себя уважать надо, – отозвался тот.

Полисмен не глядел на визитеров, он смотрел в монитор. Лохматый безошибочно нашел, где в стену вмонтирована камера, и небрежно помахал ей рукой.

– Лейтенант Ортега, – бросил полисмен, не отрываясь от монитора. – Э-э... Сеньоры. Не сочтите за неуважение, а можно пальчики ваши?

Лохматый и лысый коротко переглянулись.

– Время такое, никому верить нельзя, – объяснил лейтенант. – Смотришь на морду, вроде все сходится, а потом – бац! – инфа из округа, что морда-то краденая...

– Зачем тогда пальцы, давайте сканер, – предложил лохматый.

Лейтенант секунду подумал, кивнул и вытащил из-под стола белый пластиковый набалдашник на витом шнуре.

Лохматый запихал сканер глубоко под мышку. Когда то же движение повторил лысый, полисмен только головой покачал.

– Раньше слышал, но никогда не видел. Чип в сердце, мама дорогая... Пожалуй, это снимает все вопросы, – лейтенант снова уставился в монитор. – Угу. Угу. Благодарю вас, сеньоры.

– Думали, врем? – спросил лохматый снисходительно.

– Ну... Уж больно у вас наружность... Небрежная. Опять-таки, вы в зеркало с утра смотрелись?

– Это скоро пройдет, – заверил лохматый. И добавил зачем-то: – Мой друг, видите ли, левша.

– А для чего у вашего друга на голове написано «Пупсик»?

– Это не я, – быстро сказал лохматый.

Лысый потрогал макушку и, заметно смутившись, потянул из кармана платок.

– Туалет вон там, – показал лейтенант.

Лысый четко повернулся на месте и, покинув импровизированный строй, отправился устранять беспорядок.

– Отставники, значит... – протянул лейтенант задумчиво.

– Ушли на вольные хлеба. Возраст, здоровье... Да и нервы не казенные.

– На маслице-то хватает? На вольных хлебах?

– А мы не прожорливые, – уклончиво ответил лохматый.

Вернулся лысый, уже без компрометирующей надписи.

– Хорошо, – сказал лейтенант. – Сейчас подтянутся мои парни – утренний брифинг, постановка задач, разбивка по патрулям, все такое... Поэтому буду краток. Вам нужен урод. Мне – наоборот, совсем не нужен. Уроды, сами знаете, ребята ушлые: сегодня он тебе ботинки чистит, завтра ты ему, послезавтра весь город под его дудку пляшет. А я лично всем доволен и ничего не хочу менять. Стабильность и еще раз стабильность. Это залог нашего процветания. Ясно?

– Еще бы! – согласился лохматый.

– Не факт, что у нас вообще завелся урод, но сигналы были. Слухи, подозрения... Я проверил всех пришлых, кто осел тут за последние лет пять, – из списка никого нет. Попробуйте теперь вы. Считаете, что умеете искать уродов лучше нас, – вот и действуйте. В рамках известного вам закона. Выйдете за рамки – вышибу из города к чертовой матери. Ясно?

– Ага, – сказал лохматый.

– Объясняю специфику места. Объясняю один раз. Здесь не просто зона отдыха, а ретрокурорт. Сюда не ездит шумная молодежь – ей у нас скучно. Тут все устроено для солидных взрослых людей. Атмосфера прошлого века, как в старые добрые времена, когда мир еще не окончательно сошел с ума. Тихо здесь, понятно вам? Наши отдыхающие – важные персоны, каждый гость буквально на вес золота. Кое-кто остается надолго, а некоторые вообще селятся в городе. А почему? Да просто наш курорт – маленький, уютный, уважаемый. Значит, действовать вам надо аккуратно и с достоинством. Ясно? Умеете?

– А то! – заверил лохматый.

– А то есть мнение, что стоило бы вас упаковать в холодную еще вчера. Суток на трое. Дабы малость поостыли.

– Мы вчера только приехали, – непонятно объяснил лохматый.

– И?..

– Не освоились еще. Сегодня-то понятно все. Маленький, уютный, уважаемый курорт...

– Именно. Значит, ищите урода. Если найдете – скажете мне, я посмотрю, а там решим. Если вздумаете нейтрализовать его без моей санкции – посажу вас обоих. Надолго. Ухлопаете по ошибке не того – посажу навечно. Ясно? Кстати! Оружие?..

– Там все написано, – лохматый кивнул на монитор.

– По-хорошему надо бы его у вас изъять временно...

– Угу, – буркнул лысый.

– ...но ограничусь предупреждением, – сказал лейтенант, делая вид, что ничего не слышал. – Будете размахивать стволами – конфискую. И упеку обоих за нарушение общественного порядка. Вопросы?..

– Нет вопросов, – скучным голосом протянул лохматый, глядя в стену. – А если мутант окажется не из списка?

– Хрен вам, – твердо сказал лейтенант. – Я в эти игры не играю. И другим не советую. Очень не советую.

Лысый неодобрительно фыркнул. Лохматый весь подобрался и так поглядел на лейтенанта, что тот невольно отодвинулся назад вместе с креслом.

– Повторяю вопрос, – сухо процедил лохматый.

– Ну... – лейтенант надулся. – Не слышал я, чтобы кто-то ловил неучтенного уroda. Бродяг всяких оформляют, а деньги пият, тоже мне, загадка природы...

– Не бродяги, – подал голос лысый. – Дети.

– Неучтенные мутанты – это второе поколение, – произнес лохматый нараспев, слегка покачивая головой. – Дети, сеньор лейтенант. Только дети.

Лейтенант смущенно потупился.

– Ладно, увидите такого – скажите мне. Вызовем экспертов, оформим как положено.

– Вот это правильный ответ, – очень тихо сказал лохматый, почти что прошипел. Он неприятно ссутулился и буравил взглядом макушку лейтенанта. А тот, пряча глаза, все ниже клонил голову к столу.

В комнате заметно потемнело, хотя за окном всюю разгорался день.

– Не заводись, – сказал лысый. – Сейчас-то зачем? Вечно ты заводись, когда уже не надо.

Лохматый медленно расправил плечи, откашлялся и сообщил полицейскому:

– Правильный ответ, лейтенант Ортега, хвалю.

Лейтенант, упершись руками в стол, делал глубокие судорожные вдохи, будто вынырнул с приличной глубины. В комнате уже было совсем не душно, и не жарко, и не муторно, и не хотелось застрелиться, чтобы избавиться от бессмысленного мучения, по ошибке названного жизнью. В комнате было опять светло.

– Разрешите приступить к выполнению задачи? – елейно осведомился лохматый.

Лейтенант не без труда оторвал одну руку от стола и слабо махнул ею.

– Мы вернемся и доложим, – пообещал лысый и четко повернулся через левое плечо.

* * *

Выйдя на улицу, лохматый и лысый одинаковым движением положили руки на пояс, сунув большие пальцы за брючные ремни, и устались в разные стороны.

– Траттория, – сказал Барро. – Паста натурале, пицца мондиале и еще какая-то безграмотная хреновина. Спорю, все слишком острое. Мексика, мать ее.

– Паб, – коротко доложил Кнехт.

– Паб, – согласился Барро.

Они неспешно двинулись по улице направо.

– Зачем ты его?.. – спросил Кнехт.

– Извини, коллега. По глупости. Как-то я после вчерашнего не очень себя контролирую. Но мы это немедленно поправим.

– Он тебя разозлил?

– М-да... Разозлил... Да, пожалуй, сеньор лейтенант сильно разозлил меня.

– Когда именно? – не унимался Кнехт.

Барро почесал в затылке, зачем-то осторожно потрогал синяк под глазом и сказал:

– Я подумаю и отвечу... Стоп! Ух ты! Это что еще такое?

– «Библиотека», – прочел вывеску Кнехт.

– Вот спасибо, а то читать разучился... Там внутри полным-полно книг. Проверь по списку, нам туда имеет смысл?.. Ходят наши клиенты в библиотеки? Я навскидку не помню.

Кнехт остановился, снял с пояса коммуникатор, потыкал в экран пальцем и ответил:

– Ноль.

Барро снова потрогал синяк.

– Да плевать, – сказал он. – Не могу я сразу из полиции – и в пивную! Это пошло. Даешь культуру!

В библиотеке было пусто, сухо, прохладно и сумрачно. Хранитель оказался старичком в тяжелых очках – словно нарочно его подобрали такого.

– Людвиг Фейербах! – отрекомендовался Барро. – Философ с большой дороги.

– Гегель, – произнес Кнехт сдавленно. – Просто Гегель.

И закашлялся.

Хранитель снял очки, протер их, водрузил обратно на нос и сказал:

– Ну, значит, сами разберетесь.

Барро пошел вдоль стеллажей с бумажными книгами, играя кончиками пальцев на корешках замысловатую мелодию. Несколько раз он останавливался и будто принимался.

Кнехт уселся за стол с компьютером и затрещал клавишами.

– Ой, какая прелесть! – воскликнул Барро где-то за стеллажами.

Хранитель, старавшийся делать вид, будто ему совсем не интересно, далеко высунулся из-за своей конторки.

– Чего там? – буркнул Кнехт.

– Крамер и Шпренгер с огромными комментариями. Чудо просто. Никогда такого не видел.

– Да-да, «Молот ведьм» у нас в самом полном издании, – обрадовался хранитель. – Цифровая версия продается, берите, не пожалеете. Еще что-нибудь историческое?

– Коллега Фейербах горячий поклонник инквизиции, – хрипло подсказал Кнехт. – Он с нее просто больной делается. Больной и дикий.

Хранитель поспешно спрятался обратно за конторку.

Вернулся Барро, отряхивая руки от пыли, встал над Кнехтом и заглянул через его голову в монитор.

– Между прочим, – сообщил он, – все думают, будто «Молот ведьм» – руководство для инквизиторов. А ничего подобного. Это теоретическая работа. И Торквемада, например, ее осудил. Ага, вижу мою любимую книжку...

– Я уже купил ее для тебя. Отдашь с премиальных.

– Спасибо. Ты был прав, коллега Гегель, нечего тут делать, ни малейшего следа. Я надеялся на удачу. Подумал, вдруг сегодня везучий день.

– Работать надо, коллега Фейербах! Тогда повезет.

– Вот зануда... – протянул Барро.

Они вышли из библиотеки, оставив хранителя в глубоком недоумении, и направились к пабу.

– А клиент где-то здесь, – сказал Барро. – Я сам его не чую, но мой опыт – чует. И особенно моя логика. Знаешь, бывает такое состояние, когда...

– Это тревожное состояние зовется похмельем, – буркнул Кнехт.

– Не считаю нужным оправдываться. Можно я буду выше этого? Спасибо. Глубоко тебе признателен.

Несколько секунд они шли молча, вдруг Барро шепотом выругался.

– Слушай, а ведь ты угадал насчет лейтенанта. Ой, неспроста я в участке завелся. Ну, подумал коп, что мы играем в грязные игры, – эка невидаль. За это я просто хотел плюнуть

ему в рожу... Нет, он разозлил меня раньше, раньше... И вот что я тебе скажу. Не видать нам денежек. Сеньор лейтенант Ортега решил взять мутанта на себя.

– Уверен?

– Абсолютно. Он выслужиться хочет перед начальством, крутизну свою показать. Еще один умник. Что-то много развелось их в последние годы, тебе не кажется?

– Еще один покойник, – сказал Кнехт. – И – да, кажется.

– В общем, не вижу смысла тут работать, – заключил Барро.

Подождал ответной реакции и, когда ее не последовало, добавил:

– Но выпить-то надо. Заодно и поговорим.

Кнехт распахнул тяжелую дверь паба. Барро учтиво кивнул и прошел внутрь.

– А лейтенант не покойник, – бросил он через плечо. – Сам не полезет, щенят угробит, двоих-троих. Вон топают, кандидаты на тот свет.

Кнехт в дверях оглянулся. По улице шли полицейские, трое совсем еще молодых ребят, очень гордых своей отутюженной формой, начищенными ботинками, а особенно – тяжелыми пистолетами в ярко блестящих кобурах.

Один из полицейских заметил Кнехта и улыбнулся ему.

– Тебе пива или чего покрепче? – спросил издали Барро.

* * *

– Боюсь, это не те люди, которые тебе нужны.

– Других нет. Я слил инфу, пришли эти двое. Послушайте, сеньор капитан, так или иначе, они наведут меня на уroda. А уж возьму я его сам, – сказал лейтенант. – Округ сэкономит на награде.

– Округ будет тебе благодарен, – отозвался в наушнике капитан. – А если удастся все сделать тихо – очень благодарен. Ну, ты меня понимаешь. Только осторожнее с этими двумя.

– Вы их знаете, сеньор капитан?

– Просто слышал кое-что... Они любят фокусы, театральные эффекты – цену набиывают, – вот за ними и тянутся слухи. Этот волосатый, Барро, много болтает и выпендривается, на самом деле он так отвлекает внимание на себя. Главный в паре – немец. Командир и основная боевая единица. А Барро просто ищейка, нюхач, как они говорят. Владеет гипнозом, ты на всякий случай не смотри ему в глаза. И если что, ломай его первым, он треснет миглом.

– Когда они закончат свою часть работы, я выставлю обоих из города, и дело с концом.

– Аккуратно, чтобы у них не было повода упереться.

– Как я понял, их вышибли из Истребительной Бригады за разгильдяйство, – сказал лейтенант. – Там это зовется «уволены по медицинским показаниям». На самом деле они лентяи, выпивохи и трусы. Вряд ли им взбрдет в голову упираться. Пойдут искать добычу полегче.

– Все-таки не забывай: эти двое разгильдяев бывшие военные, и не простые. Тому, что они знают и умеют, в полицейской академии не научишься. Будь внимателен. Ладно, удачи тебе, и докладывай сразу. Возьми уroda. Давно пора доказать, что мы это можем не хуже прочих. А то развелось, понимаешь, охотников за головами... Дикий Запад!

– Никакого Дикого Запада, – пообещал лейтенант. – Только не здесь.

Он повернулся к монитору и бесстрашно посмотрел в глаза оператору Шестой Международной Миротворческой Бригады Г. Барро (двенадцать личных нейтрализаций, двадцать восемь подтвержденных обнаружений, два законченных контракта, уволен по медицинским показаниям до истечения срока третьего).

– Надрать бы тебе уши, фокусник, – буркнул лейтенант. – Циркач дешевый... Ухлопал дюжину уродцев и решил, что крутой? Ничего, ты у меня попляшешь... После.

* * *

В пабе Барро залпом выдул кварту темного и блаженно обмяк на стуле.

Кнехт заказал яичницу с беконом и апельсиновый сок.

– Как пойдём? – спросил он.

Барро удивленно поднял брови. Кнехт с каменным лицом ждал ответа. Барро вздохнул и сдался.

– Тупо, по секторам. Карту только надо. Городишко крошечный.

– Пригород зато большой... – Кнехта снова пробрал сухой кашель.

– Сильно болит?

– На себя посмотри.

– Мы больше так не будем, правда? – Барро потрогал синяк. – Выпендрей перед девочками того не стоил.

– Зато девочки слили нам инфу по мутанту.

– Которую им слил лейтенант... Слушай, а что это было вообще? Ну, между нами? Что-то новенькое, и оно меня беспокоит. Мы ведь раньше не дрались.

– Да мы и вчера не дрались. Ты хотел показать мне свой коронный удар в горло.

– Ничего не помню, – виновато признался Барро. – Показал? А как он бьется, удар этот? А ты?..

– Да оба мы хороши, – Кнехт издал хриплый смешок, от которого вдалеке нервно подпрыгнул бармен.

– Скучно жить, – сообщил Барро. – Вот и валяем дурака. Возраст, не иначе.

– Это алкоголь, – отрезал Кнехт.

– А я тебе говорю, возраст. Мне уже тридцать пять, и вчера было тридцать пять, и завтра будет. Опять тридцать пять. Кругом тридцать пять. И самые яркие дни позади, и самые красивые дела. Тоска – застрелиться впору. Я эту идею лейтенанту транслировал, когда прижал его в участке, – видал, как мужик впечатлился?

– Пить надо меньше, – посоветовал Кнехт и кашлянул.

– Тьфу на тебя. Карту хочу, – сказал Барро. Он встал и направился к стойке. Через минуту вернулся с бумажным путеводителем, раскрыл его и принялся изучать. Кнехт меланхолично жевал яичницу.

– Городишко крошечный, – повторил Барро. – За день весь его прочешем. Можно изобразить паб-крол, это будет убедительно. Не спеша, руки в брюки, пройдемся по заведениям... Заодно поем горячего. Должны тут где-нибудь делать луковый суп-пюре. Не бывает курортных местечек, чтобы без лукового супа.

– Если тут пусто, двинем глубже на юг?

– Тут не пусто. Говорю с полной ответственностью, как бывший нюхач твоего взвода. Мутант здесь. Думаю, он рано подался в бега, добежал аж досюда и хорошо прикрылся. Сам не высовывается, действует через подставных. Вот его и не взяли до сих пор – он просто не виден. А лейтенанту настучал кто-то, у кого зуб на посредников мутанта. Или это вообще пустой донос был, голое вранье. Но мутант – есть. Он тут сидит давно и плотно, успел пустить корни.

– Пустил корни... Как грустно, – сказал Кнехт.

– Невыносимо, – поддакнул Барро. – Меня прямо слезы душат. У мутанта тут дом, может, даже семья, дети, все как у людей. И вдруг появляемся мы. И ставим мутанта толстой

жопой к теплой стенке. Ужас просто. Но... В свете некоторых обстоятельств... А оно нам надо?

– Это мутант, – напомнил Кнехт и снова кашлянул.

– Нам не дадут нейтрализовать его. Спорим, когда мы наведем полицию на цель, нас выпрут из города? Допустим, ты вызовешь группу зачистки – прощальный жест доброй воли, так сказать... Но ребятам лететь сюда верные сутки, а Ортега ждать не будет, пойдет брать клиента. Поэтому кровавое месиво с активным участием полиции в роли фарша я гарантирую. И мутант сбежит, ищи его потом. Не говори мне, что твой план именно такой.

– Поглядел бы я, как нас отсюда выпрут, – сообщил Кнехт безмятежно. – Поглядел бы, да.

– Мы вообще-то свободные люди теперь, – сказал Барро с нажимом. – Что, забыл? Мы работаем за деньги.

Кнехт допил сок и звонко припечатал стакан доньшком к столу.

– Пойдемте, коллега, – сказал он.

Барро развел руками и встал.

Когда они вышли, бармен повернулся к компьютеру и набрал номер полицейского участка.

* * *

На улице двое привычно взяли за пояса и посмотрели в разные стороны.

– Бармен стукнул, гад, – сообщил Барро. – Ух, солнце какое... Где мои темные очки?

– А вон тот парнишка на роликах – наружник, – сказал Кнехт.

– Ну обложили просто со всех сторон... Где очки мои, неужто я их в отеле забыл?

– Ты их вчера подарил своей прекрасной собутыльнице.

– О, черт. Эй, парень! – рявкнул Барро на всю улицу. – Да куда ты так рванул сразу... Хм. Кого бы мне теперь спросить... О, сеньор! На пару слов!

– Что ж вы кричите, сеньор Барро, – сказал молодой полицейский, выскочивший быстрым шагом из-за угла. – Напугали парня на роликах – вон как рванул от вас. Тут не привыкли к крику, место тихое...

– ...Респектабельное, – подсказал Барро. – Сеньор, а где бы мне купить респектабельные темные очки?

– Второй квартал дальше по улице, лавка Матиаса. Если скажете, что вы от Фернандо, – получите скидку.

– А очки точно будут респектабельные?

– Во всем округе дороже не найдете, – заверил полицейский. – И не кричите так больше, сеньор Барро, люди спят еще. Честь имею.

Когда полицейский убрался обратно за угол, Кнехт сказал:

– Что-то мне это напоминает. Тишина...

– Обычный курорт, – отмахнулся Барро. – Все гуляли до рассвета, теперь спят до обеда. Только мы да стражи порядка на посту. И кстати, прошлым вечером тут было совсем не тихо. Лично я чуть не оглох. И мы еще к морю не ходили, где всякие пляжные танцульки. Ненавижу.

– Вот это точно возрастное, – сказал Кнехт. – Ты работать думаешь?

– Как только куплю очки. Если трудиться из-под палки, то хотя бы в комфортных условиях.

В лавке Матиаса респектабельных темных очков не нашлось, только модные и дорогие. Барро, недовольно сопя, долго перебирал товар. Потом вдруг задумался. Небрежно бросил

очередные модные очки в общую кучу. Обернулся к пожилому сонному приказчику, глянул на него в упор и ошарашил вопросом:

– А что, дед, жида в городе есть?!

Приказчик впал в ступор и ничего не ответил.

* * *

– Стукнул дед в полицию, – сообщил Барро, стоя посреди улицы и озираясь. – И еще кому-то стучит. Ох, сейчас начнется... Бедлам и пандемониум. Весь городишко на уши встанет. Запомнит он нас.

– Ты иногда бываешь невыносим, – заметил Кнехт.

– Очки хочу, – сказал Барро. – И чашку лукового супа.

– Теперь нас пасут двое.

– Через полчаса нас будет пасти все свободное от работы население. Тут-то мы его и понюхаем. Слушай, я вижу кафе «Парижский дворик». И думаю...

– А я вижу еще один паб.

– Паб, – согласился Барро и тоскливо зевнул.

Первым делом он как следует напугал официанта.

– Меня зовут Жак Деррида, – доверительно сообщил Барро. – Я, видите ли, француз. А это коллега Ле Бон. Мы прогрессивные мыслители, на гастролях тут. И нам нужен французский луковый суп! Иначе труба!

Юный официант, что-то проямлив, удрал и больше не появлялся. Спасать заведение от агрессивных мыслителей пришел старший смены.

В пабе лукового супа не оказалось. Кнехт взял кружку темного, а Барро, после мучительного раздумья, тоже кружку темного и еще айриш стью.

– Поесть-то надо, – объяснил он.

Вместо миски густой похлебки с мясом ему принесли нечто в горшочке.

– Айриш стью?.. – недоверчиво спросил Барро.

– Как заказывали, месье Деррида, – заверили его.

Барро осторожно приоткрыл крышку, заглянул в горшочек, принялся, хмуро огляделся по сторонам и сказал:

– Ты не согласишься, коллега, но тут все, включая шеф-повара, уверены, что это именно айриш стью. Что оно такое вот.

Кнехт тоже заглянул в горшочек, принялся и поставил диагноз:

– Еда.

– Типичное высказывание прогрессивного мыслителя, – оценил Барро. – Емко, четко, авторитетно. Еда. М-да...

– Жри, – посоветовал Кнехт.

Барро отхлебнул пива и запустил в горшочек вилку. Некоторое время он жевал, а потом сказал:

– Чертовски не хочется работать.

Кнехт в ответ только фыркнул.

– Чертовски не хочется, – повторил Барро.

Он воткнул вилку в горшочек, встал, упер руки в бока и повернулся всем телом из стороны в сторону. Вышел из-за стола, сделал несколько шагов вперед, потом назад. Официанты, сгрудившись у барной стойки, опасливо наблюдали за его эволюциями.

Барро покрутился на месте, вернулся к столу и в два глотка допил пиво. отошел к окну и уставился на улицу.

– Я ж тебе говорил – паб, – сказал Кнехт.

– А я что, упирался?.. Какая прелесть эти маленькие уважаемые городки... А помнишь тот поиск в Эл-Эй? Когда у меня шкура облезла на нервной почве? Три месяца ни малейшего следа! Ужас.

– Это ты не застал поиск в Москве. У некоторых из наших там сейчас дети растут.

– Подумаешь, дети. Что это доказывает?

– Что там много красивых женщин и очень сильный фон. Мы просто не могли работать.

– Из-за женщин? – Барро по-прежнему смотрел в окно.

– Из-за фона. Нюхач брал мутанта со ста метров, не дальше. Поэтому у русских нюхачи считались простыми операторами, вот как я. И тут мы приперлись, крутые, учить их вздумали. А они только смеялись над нами.

– Это меня в Москве не было, – надменно заявил Барро, возвращаясь к столу. – А что у них так фонило?

– Русские, – сказал Кнехт просто. – Ну?..

Барро почесал в затылке.

– Пойдем. След очень приличный. И между прочим, ты прямо на нем сидишь.

– Я знаю, – Кнехт кивнул с самым невинным видом. – Я нарочно тут сел. А то ведь ты с похмелья ни черта не соображаешь.

– Скажи еще, что разобрал характер следа, ты, прогрессивный мыслитель, – Барро обиженно надудя.

– Нет, конечно. Но я сужу по твоей реакции. Научился, за столько-то лет. Сюда захаживает посредник, верно?

– Пойдем... Командир, – сказал Барро.

* * *

По улице Барро шел медленно, всем своим видом показывая, как он вял, ленив и ослаблен. Кнехт держался чуть сзади и сбоку. Барро часто останавливался, разглядывая витрины лавок и магазинчиков, вдруг сворачивал в переулки и тут же возвращался, один раз надолго встал у ничем не примечательной скамейки, потом взялся рассматривать пальму, да так пристально, будто вот-вот на нее полезет. Кнехт молча сопровождал нюхача.

Это выглядело как сосредоточенная работа, как поиск следов на местности. Это и было работой, только на самом деле Барро ничего не искал. Общее направление он и так вычислил, а теперь хотел узнать как можно больше деталей. И информация сама шла к нему, стекаясь со всех сторон. Люди глазели на удивительного чужака, прячась за занавесками и тонированными стеклами окон, дверей, витрин. Люди знали, что чужак ищет «урода». Это настораживало и завораживало. А когда он заинтересовался «жидами», это просто ошеломило. Слух разнесся по городку мгновенно, и теперь каждый считал долгом как следует рассмотреть чужого.

Помимо синяка под глазом, в нем не было ничего особенного. Бесформенная цветастая рубашка с короткими рукавами, белые тонкие брюки, белые легкие туфли. Так же был одет его лысый приятель, только брюки и туфли он носил бежевые.

Два беспечных оболтуса средних лет, которые вчера напились и подрались. Такие не задерживаются на ретрокурортах. Здесь для них слишком тихо и дорого. Побродят денек-другой, вспомнят милые города своего детства, повздыхают об ушедшей эпохе, опять напьются и наконец уедут туда, где современно. Уберутся в большой мир, где шумно и быстро, где повсюду в воздухе плавают голограммы, а сам воздух так накачан рекламными запахами, что не продохнешь.

Опасный мир, породивший мутантов, потом долго истреблявший их, теперь добывающий выживших, но так и не ответивший на главный вопрос: правильно ли это?

Странный мир, так и не ответивший ни на один из множества главных вопросов, включая самый главный: зачем это все?

Удивительный мир, который сто раз мог погибнуть, но как-то держался на волоске, с каждым днем усложняясь и усложняясь, порождая очередные страшные угрозы, смело преодолевая их и тут же создавая новые на пустом месте.

Эти двое были оттуда. Они не мечтали сбежать отдышаться на тихий островок спокойствия, как нормальные курортники. Нет, они просто заглянули сюда и скоро уберутся.

Поскорее бы.

* * *

Солнце поднималось выше, и все сложнее было идти по теневой стороне улиц – она таяла на глазах. Но Барро по-прежнему брел в известном только ему направлении, а Кнехт невозмутимо шагал рядом.

Вдруг Барро резко остановился, помотал головой и огляделся пустыми глазами.

– Не переигрывай, – попросил Кнехт. – Ну?

– Картина в целом ясна. Надо бы группу сюда, – сказал Барро, озираясь. – Для очистки совести хотя бы. Только какой смысл? Они не успеют... Черт возьми, опять паб! Это уже просто неприлично. Местные подумают, будто я – айриш-алкоголик.

– Не похож. На айриша.

– Но поесть-то надо после такой работы, – сказал Барро и быстро нырнул в дверь.

В пабе он тем не менее решительно потребовал текилы, а про еду даже не вспомнил.

Кнехт ушел в дальний угол, там присел на диван у низенького столика и взялся за свой коммуникатор.

Барро принес от стойки не рюмку текилы, а бутылку. Кнехт неодобрительно поглядел на емкость, но промолчал.

– Маскировка, – объяснил Барро, посыпая сгиб ладони солью. – Уж если играть алкоголика, то убедительно. Налить тебе на глоток?

– Нет, – Кнехт сосредоточенно водил пальцем по экрану коммуникатора.

Барро лизнул соли, выпил и, жуя дольку лайма, отвалился на спинку дивана.

– Только не вздумай прямо сейчас вызывать подмогу и вообще разводить аларм, – сказал он. – Сначала поговорим.

Кнехт недобро прищурился.

– А не пойти ли тебе... Поискать лукового супу?

– Нет, – отрезал Барро. – Оставь в покое свой ком и выслушай меня. Есть идея. Плодотворная дебютная идея.

– Опять?!

– Но в прошлый-то раз получилось.

– А в позапрошлый мы драпали – только пятки сверкали.

– Я тогда перестарался, виноват. Но в прошлый-то... А?

– Не мое это, – сказал Кнехт. – Не мое амплуа. То есть я могу, но не получаю никакого удовольствия.

– Ты просто стесняешься признать, что в тебе погиб великий актер, – настаивал Барро. – Давай по маленькой – и все обсудим!

Он принялся разливать текилу. Кнехт убрал коммуникатор на пояс и с обреченным видом взялся за солонку.

– Я так понимаю, мы влипли, – сказал он. – И выхода нет. И ты хочешь сначала подстраховаться.

– Ты еще не знаешь, насколько мы влипли. А когда узнаешь, сразу примешь мой план действий, – пообещал Барро.

– Чего я не знаю? Ну, коллега, прозит.

– Ничего. Коньо, коллега.

Кнехт прожевал закуску и сказал:

– Я не знаю одного: имени. А вот степень угрозы...

– Порядок цен, – перебил его Барро.

– Рановато тебя сегодня развезло, – сухо произнес Кнехт.

– Да пойми наконец, коллега, мы больше не служим. Мы работаем.

– Я – служу, – холодно сказал Кнехт.

Подумал и добавил:

– А ты как хочешь.

Барро поймал его за пояс и дернул вниз. Кнехт, который уже вставал, неловко сел обратно на диван.

– Спокойно, спокойно, коллега, – сказал Барро. – Я вспомнил: после того как я показал тебе свой коронный удар в горло, ты показал мне твой коронный удар в глаз. Счастье, что промазал. Давай сегодня обойдемся без этого. И завтра. И вообще.

– А у нас будет завтра и вообще? – буркнул Кнехт.

– Не факт. Можем погибнуть уже сегодня. Надо, конечно, постараться, чтобы этого не случилось, но... В общем, у нас тут клиент на миллион. Да-да, подбери челюсть, на миллион. Нам этих денег не видать – лейтенант Ортега вмешается и все испортит. Но приличные комиссионные я добуду. За моральный ущерб, так сказать. Чтобы потом наши сыновья не говорили, мол, их геройские отцы сдохли отважными голодранцами...

– Ты уверен?..

– Я тоже, как и ты, не знаю имени. И это все, чего я не знаю.

Кнехт начал отгибать пальцы.

– Марио. Роза. Алекс. Владимир...

– Дастин, – закончил Барро. – Только не старина Дасти. Он бы засек нас еще вчера, пока мы дурака валяли. Я прямо вижу, как Дасти вваливается в кабак, где мы сидим тепленькие, и учиняет локальный геноцид. Просто из любви к убийству. Он завалил бы нас в общей куче, чтобы не сразу поняли, что к чему, – и рванул дальше на юг. Ненавижу маньяка.

– Да ладно тебе, – сказал Кнехт. – Как же, убил меня один такой. Я тоже люблю убивать всякую сволочь... Черт побери, что мы натворили! Вспугнули клиента, верно? Давно?

– Боюсь, с самого утра, едва сунулись в участок. Копы у него на крючке. Прости, я никак не мог заметить этого сразу, он же их не дергает, отслеживает только...

– Сколько осталось времени, как ты думаешь?

– Часа два-три. Он не может сорваться из города, колеблется. Что-то его тут держит, и крепко держит. Но постепенно он соберется с духом и либо удерет, либо сам пойдет на обострение. Скорее всего, натравит полицию на нас.

– ...Там? – Кнехт ткнул большим пальцем за спину.

– Я тобой горжусь, коллега. По прямой семьсот метров и немного вверх. Второй этаж, думаю. Ну, еще по маленькой? Чисто для куражу.

– Ни в коем случае. – Кнехт снова взялся за коммуникатор. – Одного не понимаю – если он тут обустроился и зажил нормально, то как позволил себя засветить?

– Вот так и позволил, – отмахнулся Барро. – Потому что обустроился и расслабился. Не такие уж эти ребята монстры и мастера. Я был не слабее Розы или Марио. И я тебе говорю: десять человек, двадцать взять под контроль – это еще куда ни шло, да и то с перепугу или когда очень надо. Но в масштабах города даже уникам вроде Дасти может только зада-

вать тенденции. Полегоньку капать людям на мозги день за днем. Спорим, это идея мутанта насчет ретрокурорта. Десять лет назад здесь была просто зона отдыха. А вот пять лет назад...

– Марио, Роза, Алекс?

– Пустой разговор. Каждый из них был в той или иной степени повернут на покое и тишине. Я тоже люблю, когда тихо. Это профессиональная деформация, и она нам ничего не подскажет. Думаю, не Алекс. Уж своего любимого тренера я бы вычислил.

– Ладно, – сказал Кнехт. – Вызываю группу.

– А смысл? Впустую дернешь ребят, у которых и так полно работы. Им сюда добираться сутки минимум.

– Если упустим клиента – двинут по горячим следам.

– Безнадёжно, это я тебе как нюхач говорю.

– А что ты предлагаешь?

– По маленькой, – сказал Барро. – И пойдем вышибать из жидов наши комиссионные.

– Ты знал?.. – Кнехт сделал большие глаза. – Я думал, ты наобум ляпнул...

– Просто совпало, – Барро усмехнулся. – Даже не догадывался.

– Вызываю группу, – повторил Кнехт.

– Да хоть всю Шестую Миротворческую Бригаду. Толку-то. А что, вызывай. Давно я наших не видел. Соскучился.

С этими словами Барро потянулся к бутылке.

* * *

На вывеске было написано: «Ландау и Ландау. Консультанты». У дверей скучали двое молодых полицейских, делая вид, что стоят тут просто так, без дела.

– Во напугались-то, – сказал Барро. – Эй, ребята, посторонись.

Полицейские деревянно шатнулись в разные стороны и, когда дверь закрылась, встали на прежнее место.

– А чего мы тут?.. – спросил один.

– Да черт его знает, – ответил другой.

В приемной гостей прямо с порога обволокла уютная прохлада и окружила сдержанная роскошь. Хватало одного взгляда, чтобы понять – с местными тут не работают. Консультанты Ландау и Ландау давали ответы на такие вопросы, о существовании которых простой человек даже не подозревал.

Именно в этих вопросах – как незаметно управлять людскими массами к своей выгоде и общему удовольствию – хорошо разбирались беглые мутанты, те, что «из списка». Это было их призвание: влиять на людей.

Умиrotворять.

Барро повелительным жестом осадил секретаршу – та уселась за стол и принялась что-то резво печатать. Кнехт отворил дверь в кабинет.

За дверью обнаружился стильный интерьер, а в нем – холеный красавец средних лет.

– Мне Ландау надо, – сообщил Барро.

– Давид Ландау к вашим услугам, господа, – произнес красавец с достоинством. – Присаживайтесь.

– Сам присядь, – сказал Барро. – И не болтай.

Красавец послушно уселся и замолчал. В приемной раздались торопливые шаркающие шаги.

– А вот и правильный Ландау! – Барро довольно потер руки.

В дверях появился седой мужчина, не старик на вид, но с заметной усталостью в глазах.

– Абрам Ландау, консультант. С кем имею честь?..

- Томас де Торквемада, – весело представился Барро. – Налоговый инспектор!
- Доктор Геббельс, – хмуро сказал Кнехт. – Травматолог.

У Ландау-старшего голова ушла в плечи и забегали глаза. Барро и Кнехт молча ждали. Наконец консультант взял себя в руки, более-менее распрямился, посмотрел на притихшего Давида и хрипло спросил:

– Парня-то моего за что?..

– Не волнуйтесь, он просто дремлет, – сказал Барро. – И ему снится то, что он больше всего любит: большая куча денег. А мы поговорим. Коротко и конкретно. Мы ведь с вами деловые люди, верно? Компетентные и не жадные, ага?

Кнехт подошел к Ландау вплотную и мимо него уставился тяжелым взглядом в приемную, где секретарша интенсивно работала с документами. Ландау оперся плечом о косяк, опустил глаза и, глядя в пол, выдал:

– Валяйте.

– Люди по-разному относятся к мутантам, – сказал Барро. – Некоторые им втайне симпатизируют, ну, понимаете, естественное сочувствие гонимым и несчастным. Есть даже единицы, которые им по доброй воле помогают. А знаете, кого нет? Нет людей, которые сочувствуют тем, кто наживается на мутантах. Таких ненавидят.

– Чего вы хотите? – прошептал Ландау.

– Беглый мутант не может сидеть без дела, – продолжал Барро, словно не слыша. – Там, где мутант есть, он будет изменять мир. Иначе он не мутант. Но когда он в бегах, когда прячется от погони, ему нельзя действовать напрямую – он же сразу засветится. Нужны посредники. И такие, конечно, находятся, ловкие, деловитые, умные посредники. Они знают, что мутант, по обычным человеческим меркам, безумен. Ему не надо денег – была бы крыша над головой, не надо славы... Нужно только занятие. Нужно, чтобы кто-нибудь говорил с его голоса и таким образом изменял мир. Изменял в ту сторону, в которую нужно мутанту. И тогда все довольны. Не правда ли?

– Сколько? – спросил Ландау. – Сколько, черт вас побери?

Кнехт щелкнул пальцами. Ландау испуганно отпрянул в сторону. Появилась секретарша и протянула боссу ладонь. На ладони был коммуникатор.

– Всего лишь сто тысяч, – сказал Барро. – По договору об оказании консультационных услуг, хе-хе. И тогда мы с доктором Геббельсом никому не расскажем. Ни-че-го.

– Какие гарантии?

– Слово, просто наше слово.

Ландау молчал, раздумывая. Кнехт хмурился. Барро улыбался.

– Знаете, молодой человек, не расслышал ваше имя...

– Торквемада. Томас де Торквемада.

– Знаете, молодой человек... – Ландау наконец-то нашел силы поднять глаза на Барро. – В истории моего народа много черных страниц, это всем известно. Но самые черные – те, на которых записаны имена предателей. Имена иудеев, которые продавали своих. Выдавали соплеменников на расправу...

– Да-да, – перебил Барро. – Вас, например, предали Голдберги. Виноват, что не сказал раньше, но я это только сейчас разглядел. Голдберги решили так нагадить конкурентам. Все как обычно, ничего личного, просто гешефт.

Ландау от этой новости вяло отмахнулся. Он и так много сил тратил на то, чтобы говорить. Старику было страшно рядом с этими двумя, и противно было, и он боялся вызвать их гнев – но еще больше он хотел высказаться до конца.

– Вы же нюхач, молодой человек, не правда ли? И ваш товарищ, он ведь тоже из этих... Истребительная Бригада. Скажите, вы оба, что вы чувствуете, когда... Как это у вас называется... Нейтрализуете мутанта? Идете по следу, а потом убиваете его?

– Счастье, – сказал Кнехт.

– Стыд, – сказал Барро.

– Ну, хоть одному из вас стыдно... – Ландау прижал по очереди пять пальцев к экрану коммуникатора, потом мазнул электронной машинкой по плечу, где был вживлен чип. Коммуникатор пискнул.

– Забирайте свои тридцать сребреников. А теперь разбудите Давида и уходите.

Барро небрежно шевельнул рукой в сторону младшего Ландау. Тот всхрипнул, дернулся и принялся тереть глаза.

– Вы не поняли, – мягко сказал Барро. – Когда я говорил про стыд, я имел в виду совсем другое. Мне мучительно стыдно того, что еще один из наших – предатель.

– Но в чем они провинились?! – шепотом вскричал Ландау.

– Да как обычно. В том, что родились на свет.

* * *

Полицейских у дверей было уже трое.

– Ребята, – сказал Барро. – Выручайте. Я хочу солнечные очки «Рэй-Бэн», классическую модель «Предэйтор». И я хочу французский луковый суп-пюре. Где?!.

Прежде, чем полицейские собрались с мыслями, Кнехт крепко взял нюхача под руку и потащил за собой.

– Мы в паб? – с надеждой спросил Барро. – Мне нужна передышка.

– Десять минут. И максимум одна выпивка.

– Пятнадцать и две!

– Двенадцать с половиной и полторы! За что ты торгуешься?! – на полном серьезе возмутился Кнехт. – Ты хоть понимаешь, за что торгуешься?

– За свое здоровье.

– Уйдет ведь! В любую секунду уйдет! И ищи потом!

– Никуда она не денется. У нее тут дочь растет.

Лицо Кнехта вытянулось.

– Роза...

– Ага, Розита. Дочери примерно лет пять. Это многое объясняет, не правда ли? Роза дезертировала уже беременной. И этот город она обустроивала под свою девочку, для нее, ради нее. Точно такой же городок, в каком выросла сама. Хотела для малышки безмятежного детства. Вот что ее здесь держит – весь город. Если у Розы не хватит духу сбежать, она будет обороняться, не жалея никого. Нам придется идти к ней по трупам.

– Нас запросто подстрелят, – сказал Кнехт деловито. – Она стянет к дому всю полицию. Нарочно не попадут, но я боюсь случайной пули.

И тут же добавил:

– Интересно, кто отец?

– Точно не я! – Барро неумело перекрестился.

– Уже легче. И не я.

– Уже легче. А ты уверен?

– Категорически, – заявил Кнехт и тоже перекрестился. – А ты уверен?

– Абсолютно.

– Это хорошо. Но что делать? Ребенок!

– Я знаю, чего не надо делать. – твердо сказал Барро. – Не надо делать проблемы. Девочка, возможно, тоже мутант, неучтенный, вне списка. То есть от десяти тысяч до плюс бесконечности, смотря по результатам экспертизы. Поскольку это отродье Розиты, я оцени-

ваю девочку в районе миллиона. Сам понимаешь, никто на свете не заставит меня убить ребенка, который стоит миллион!

– Черт побери! – воскликнул Кнехт. – Как хорошо, что мы теперь работаем за деньги! Они ввалились в паб и с порога заказали виски.

– Самую дорогую отраву, какая есть! – распорядился Барро. – И много льда!

Кнехт взялся за коммуникатор.

– План такой, – сказал он. – Розу нейтрализуем. Девчонку глушим, берем подмышку и делаем ноги. Я сейчас отправлю доклад по полной форме и попрошу, чтобы выслали прикрытие и экспертов. Нам понадобится та еще поддержка. Ближайшие несколько часов за нами будет гоняться вся полиция континента. Пока не докажем, что брали мутантов, и командование Бригады не утрясет все формальности... Значит, сейчас угоним машину, двинем к Розе, потом рванем к аэродрому, там угоним самолет – и полным ходом на север.

– Ты прямо гангстер, – усмехнулся Барро. – Только не перевозбудись.

– Я прямо будто снова на службе, – поправил его Кнехт.

– Вот на службе ты и вел себя, как чистый гангстер. Цель оправдывает средства, ага?

– Что не так? – насторожился Кнехт.

– Давай выпьем, – сказал Барро.

– Не задерживай. Что не так?

– Допустим, у меня предчувствие.

– Какое еще предчувствие?! Чего ты вдруг сдулся? Сюда направляется лейтенант Ортега, верно? Да и черт с ним!

– О да, тут я согласен, черт с ним... – Барро поднес стакан к губам – и опустил. – Не верится, что это может быть моя последняя выпивка.

Кнехт укоризненно поглядел на нюхача, взял свой стакан, демонстративно проглотил виски, будто воду, и продолжил возню с коммуникатором.

– Ага, вот вы где! – донеслось от дверей. – Эй, вы двое!

Кнехт на окрик никак не среагировал. А Барро снова поднял стакан и сказал:

– Ну, за то, чтоб не последняя!

К столику подошел лейтенант в сопровождении аж четверых полицейских.

– Сеньоры Габриель Барро и Эгон Эрвин Кнехт. Вы задержаны. Будьте добры сдать оружие и проследовать с нами в участок. Фернандо, зачитай сеньорам их права.

– За что задержаны-то? – лениво спросил Барро.

– Там сообщим.

– Обязаны на месте.

– Да черта с два, тут вам не Европа. Стволы на стол! Будете выпендриваться, пойдете в наручниках.

Коммуникатор Кнехта сыграл бравурную мелодию.

– Готово, – сказал Кнехт, убирая машинку на пояс. – Лейтенант, я что-то пропустил? Как дела? Хотите с нами выпить?

– Стволы на стол! – прошипел лейтенант.

– Мы задержаны, коллега, – лениво сообщил Барро. – По обвинению в разжигании межнациональной розни. Часика три придется в участке посидеть минимум, а то и до завтра проваландаемся.

– А все ты со своими жидами! – рявкнул Кнехт.

– Ага, – согласился Барро. – Допрыгался, антисемит проклятый. И, главное, ничего не могу с собой поделать, это у меня в генах: кастильская кровь.

– Да я вообще генетически – фашист! – заявил Кнехт.

– И я фашист!

Полицейские, дружно отвесив челюсти, наблюдали, как внутри пары идет непонятная борьба. Полицейским, даже самоуверенному лейтенанту, очень не хотелось связываться с этими двумя. Будь их воля, они бы вообще плюнули и ушли от греха подальше. Но что-то их тут держало. А лысый и лохматый увлеченно общались. Лысый нажимал, лохматый выкручивался.

Они пытались договориться – и никак не могли. Им надо было решить нечто очень важное, и от их решения зависело сейчас множество жизней. Полицейские чувствовали это и медлили вмешаться.

Ведь кто его знает, о чьих именно жизнях спор.

– Да просто сволочь ты, а не фашист, – сказал наконец Кнехт устало. – Обычная сволочь. Эй, лейтенант, пошли в участок. Надоело ломать комедию. Было бы перед кем.

* * *

Их посадили в зарешеченные каморки и оставили в покое. Сказали, пока адвокаты не придут, тут посидите тихонько. Забрать оружие и коммуникаторы у них забыли – Барро решил, что это будет чересчур. Двое задержанных могли покинуть участок в любую секунду. Но они сидели, разделенные толстой решеткой, и молчали.

Первым не выдержал Барро.

– Извини, коллега, – сказал он. – Простишь ли ты меня когда-нибудь, сволочь этакую?

– Заткнись, пижон волосатый, – ответил Кнехт. – Актеришка.

– Я ведь ради общего дела стараюсь.

– Хорошо стараешься – подвел в самый важный момент!

– А если у меня предчувствие?!

– Нострадамус хренов.

– А что я могу?.. Я же не нарочно... С предчувствием, знаешь ли, не шутят!

– У тебя всегда предчувствие, когда пахнет дракой. Кассандра ты несчастная.

– Может, поэтому мы до сих пор живы? – спросил Барро вкрадчиво. – Я не боюсь драки, я боюсь нелепой безвременной гибели от случайной пули.

– Господи! – взмолился Кнехт. – Как было легко с этим уродом, когда мы служили! И как невыносимо трудно сейчас! За что, за что мне такое наказание?!

– Этот урод сегодня заработал тебе полсотни тысяч, – напомнил Барро. – Деньги буквально упали с неба на твой расчетный счет.

Кнехт фыркнул и отвернулся.

– Ну и ладно, – сказал Барро. – Тебе, допустим, все равно, ты у нас святым духом питаешься, а вот твоя супруга меня точно похвалит. Она меня ценит, не то что некоторые. Она верит, что у меня бывают предчувствия. Хотя ни разу не ходила со мной на операцию.

– Если бы она сходила с тобой на операцию, ты бы сейчас лежал в гробу, – отрезал Кнехт. – Она бы оторвала тебе башку за один-единственный твой типичный выкрутас.

– Кстати о выкрутасах. Я не могу тебя заставить, ты знаешь, я могу только просить. Так вот, умоляю, когда Роза придет на нас посмотреть, не вздумай стрелять в нее. Шанс попасть у тебя будет процентов десять, а если промажешь, она точно из города сбежит. И нам тоже придется бежать отсюда, а я что-то устал сегодня.

– Да я и не собирался в нее стрелять, – Кнехт снова фыркнул. – Другие найдутся.

– Вот и замечательно.

– Да я честно не собирался.

– Вот и замечательно, – повторил Барро. – А то очень неустойчиво все. Я верно понял, ты запросил нам прикрытие и экспертов, но группу не отзывал? Извини, я правда устал...

– Успокойся, – сказал Кнехт. – Провидец фигов. Группа уже в пути. И теперь ребята знают, кого мы им тут сосватали.

– Ну вот и не спугни клиента.

– Я буду мил и ласков, – пообещал Кнехт. – Ибо что еще мне остается, когда напарник отказывается работать?!

– Через сутки здесь высадутся двадцать бойцов и проведут нейтрализацию. Так мы и долг свой выполним, и останемся живы-здоровы, и будем даже при некоторых деньгах. Если не спугнем Розу. Теперь объясни: что я сделал неправильно?!

– Да все ты сделал правильно... Но мне почему-то очень хочется снова дать тебе в глаз! – рявкнул Кнехт и закашлялся.

Барро улегся на жесткий топчан и закинул руки за голову.

– Работаю приманкой, – сообщил он. – В который уже раз, надоело до чертиков. То ли дело с этими жидами, лихо мы их обобрали. Знаешь, отчего так популярен рэкет? Да просто им может заниматься любой кретин, вот, вроде меня. А я сейчас вместо того, чтобы лопатой грести деньги, лежу и работаю наживкой на акулу...

– Слышь, ты, наживка, – позвал Кнехт. – Я все забываю тебе сказать. Ты опять наврал про мутантов, будто они сами родились на свет. Зачем? Мне не нравится этот миф. В него и так уже верит каждый второй. А скоро поверят все.

– Это большой миф. – Барро потянулся всем телом. – Он красивый, трагический и по аналогии понятный любому кретину. Он ведь списан с бытующих мифов, вон с того же еврейского.

– И чем он лучше правды?

– Тем, что в нем правды – ни слова, – сказал Барро твердо. – По-твоему, что я должен был объяснить Ландау? Что Шестую Миротворческую набирали из ценят-идеалистов? Что нас искусственно модифицировали для службы во имя мира? Что мы верные псы человечества, а наш долг – защищать и служить? Но вот какая неприятность: добрая треть из нас, насмотревшись на кровищу, сбрендил, нарушила присягу и пошла спасать мир от него самого! И пришлось нас, уродов, выколупывать изо всех высоких кабинетов, что нашлись на Земле. Из всех правительств, корпораций, парламентов, церквей и так далее... Потому что мы решили железной рукой привести человечество к счастью! Умиротворить его раз и навсегда к такой-то матери... А открытая, гласная охота на мутантов по градам и весям – только ширма, поскольку на местах оседают самые безвредные. Это я должен был сказать Ландау?

– Безвредные-то они безвредные, – заметил Кнехт, – а вот завтра Розе как взбредет в голову учинить тут секту... Томми-Святоша угробил триста душ одним махом. А ведь такой был лапочка. Безвредный!

– Томми всегда был психом. Роза-то более-менее в порядке.

– Да, но сможешь ли ты поручиться за ее дочь?

– Да я за своего детеныша поручиться не могу! – выпалил Барро с неожиданной злобой.

– Не дури. Отличный парень.

– Ага, только я чуть не поседел в одночасье, когда увидел, как он взглядом ложки гнет...

– Врешь! – Кнехт подпрыгнул на топчане.

– Это был просто фокус. Парень купил учебник юного чародея и решил папу разыграть.

А папа едва не рехнулся от ужаса.

– Предупреждать надо... – попросил Кнехт. – Я сейчас знаешь как испугался?

– Неправда, – возразил мягкий женский голос. – Ты не умеешь пугаться, Эгги. Ты никогда не боялся.

– Это разные вещи, – сказал Кнехт, не оборачиваясь. – Заставить меня бояться трудно. Но испугать-то можно. Привет, дезертир. Хорошо прикрываешься. Я засек тебя шагов за десять, не больше.

– Невежливо сидеть к дамам спиной, ты не находишь?

Кнехт медленно повернулся. В коридоре стояла женщина – невысокая, пухленькая и круглолицая. Смоляная коса до пояса завершала картину совершенной... безобидности. Женщина держала за руку такую же упитанную девочку лет пяти. Ребенок увлеченно грыз большущую конфету.

– Ну тебя и разнесло, Розита! – ляпнул Кнехт.

Барро приподнялся на топчане и заинтересованно уставился на гостей.

– М-да, – сказал он.

И снова лег.

– Знаете, что!.. – гостя задохнулась от возмущения.

– Знаем, знаем, – буркнул Кнехт. – Ты нарушила присягу, родила и растолстела. Еще плохие новости есть?

Женщина круто повернулась и ушла, волоча за собой девочку.

– Она всегда любила покушать, – подал голос с топчана Барро.

– Пожрать, – уточнил Кнехт и тоже лег.

– Ах, мальчики, только не надо про спагетти, я на диете! Ох, мальчики, я на нервной почве опять набрала лишний килограмм... Но согласись, в двадцать лет Розита была чертовски хороша!

– Тогда и я был чертовски хорош, – заявил Кнехт. – В двадцать лет это не проблема.

– А я и сейчас ничего.

– Если бы, – сказала женщина, снова появляясь в коридоре. – Два потасканных облезлых придурка. И может, я дезертир, а вас-то – выгнали! Трусы, лодыри и пьянь, вот кто вы оба.

– Что за эпитеты, Розита? Ребенку вредно такое слушать.

– А он и не слушает, он выше этого. Эгон, какого черта вы тут делаете?

– Посадили, вот и сидим, – объяснил Кнехт.

– Какого черта вы в моем городе?!

– А-а...

– Если честно, мы тут случайно... – начал Барро.

– Заткнись, Гейб. Ни слышать, ни видеть тебя не желаю. Матьер божья, куда все пропало, от тебя же ничего не осталось! – воскликнула женщина в сердцах. – Ты все пропил, и свой талант, и остатки совести заодно! Подумать только – охотник за головами! Свободный художник Габриэль Барро... Да на тебя смотреть больно!

– Ой-ой-ой... – пробормотал Барро язвительно и перевернулся на бок.

– Мы тут случайно, – сказал Кнехт. – У твоих Ландау конфликт с Голдбергами. Тебе надо было подмять под себя обе семьи, а ты, как обычно, разинула варежку. Вот Голдберги и сдали Ландау полиции. Сказали, на них работает мутант. Сами в это не веря, просто чтобы нагадить. Ортега тоже не поверил, но слил инфу на городское дно. А мимо проезжали мы...

– Проползали по дну, – уточнила женщина с плохо скрываемым отвращением.

– Хотя бы. А ты, как всегда, считала ворон – и засветилась. Сто раз я тебе говорил: не зевай на работе, убьют! Без толку... И вот мы здесь. Буэнос диас, Розита. Есть идеи?

Женщина думала. Девочка грызла конфету, сверля Кнехта черными глазенками. Барро, казалось, уснул.

– Я хочу только одного, – медленно проговорила женщина. – Чтобы меня оставили в покое. Ты ведь больше не служишь, Эгон, верно? Значит, ты не вызвал группу. Смотри на меня!

– Мы работаем за деньги, – сказал Кнехт. – А ты стоишь миллион. И неизвестно, во сколько оценят девочку. Нужна мне тут группа? Я собирался нейтрализовать тебя, а девочку выкрасть и уйти через границу. Прости уж за такую прямоту. Вот я и говорю теперь – есть идеи, Розита?

– Полтора миллиона, и мы забудем о тебе навеки, – подал голос Барро.

– Заткнись! – крикнула женщина.

Воздух в камере Барро сгустился и потяжелел. От мужчины, лежащего на топчане, остался только расплывчатый силуэт. Неподвижный силуэт.

– Никогда ты его не любила, – бросил Кнехт. – Смотри, не прибеги ненароком. Он уже не тот, что раньше.

Женщина смотрела на Кнехта, тяжело дыша. На лбу ее выступили капли пота. Девочка оторвалась от конфеты и с интересом уставилась на маму. Потом вслед за ней перевела взгляд на Кнехта.

– Зря ты это, – сказал Кнехт безмятежно. – Бизнес есть бизнес. И напрасно ты приучаешь ребенка тарачиться на людей страшными глазами.

– Не любила... – протянула женщина. – Вот и нет. Давным-давно я любила Гейба. Только он меня не замечал. А потом его окрутила эта белобрысая дылда, и я поняла, что он просто глуп... А ты по-прежнему силен, Эгги. Даже сильнее, чем раньше.

– Это не сила, Розита, это опыт и голые нервы. Скоро нервов не останется, и я буду слаб. Мы быстро изнашиваемся, увы. Будь проклят тот день, когда я вступил в Шестую Бригаду. Черт побери, она ведь называлась Миротворческой... Теперь она такая только по документам.

– Да, в народе ее зовут Истребительной, – женщина невесело усмехнулась. – Народ не ошибается. И он за нас, не за вас. А ты, значит, начал сомневаться, Эгон? Все-таки установка защищать и служить ломается даже у таких твердолобых.

– Я защищал и служил почти двадцать лет, – мягко сказал Кнехт. – Не осуждай меня. Ты-то сбежала. Я не смог. И вот мы... По разные стороны решетки.

– Она нас всегда разделяла, Эгон. Только я не понимала этого по молодости. Я не создана для войны, мое дело – мир. Я несу людям тишину и покой, я учу их, как быть счастливыми. А ты всегда был охотником на людей. Нашел свое место в жизни... Значит, говоришь, бизнес есть бизнес? Хорошо, ты получишь миллион. Ландау заплатят тебе сегодня же. А ты забудешь, что меня видел. И сделаешь так, чтобы этот жалкий нюхач тоже все забыл. Я ему не верю, поэтому ты отвечаешь за него. А наша дочь наложит на тебя заклятье. Если ты расскажешь о нас с ней – умрешь. Попробуешь нейтрализовать нас – умрешь. Если это сделает Гейб – все равно умрешь ты. Потому что сделку мы заключим с тобой. Соглашайся, Эгон. Это хорошая сделка. Как раз для тебя, ведь ты прекрасно умеешь забывать.

– Наша дочь?.. – тупо переспросил Кнехт.

– Ты умеешь забывать, – повторила женщина.

Кнехт сидел на топчане и смотрел на девочку. Девочка смотрела на него. Еще секунду-другую они играли в гляделки, потом девочка засмеялась и спрятала лицо в мамину юбку.

– Она случайно не умеет гнуть ложки взглядом? – спросил Кнехт.

* * *

К конторе Ландау они ехали под эскортом полиции. Барро казался смущенным и пришибленным, Кнехт равнодушно гладел по сторонам. Ландау-старший к ним не вышел, миллионный контракт оформлял Давид, уже не вальяжный, а напротив, испуганно-суетливый. Все формальности заняли несколько минут, и вот двое опять стояли на крыльце, с которого сошли пару часов назад.

Нормальный «охотник за премиальные», разбогатеет всего лишь за день на пятьсот пятьдесят тысяч без единого выстрела, пустился бы в пляс. Но эти двое не выглядели особенно радостными.

– Нам бы по рюмочке, – жалобно протянул Барро.

– Давайте обратно в машину, – сухо ответил лейтенант. – Вы, сеньоры, отсюда прямо в аэропорт, и аста ла виста. Возвращаться даже не думайте. Как говорят у вас в Европе – энд нэва кам бэк.

– Чисто из принципа, – сказал Барро. – Мне хотелось бы знать, где-нибудь в этом городе можно поесть французского лукового супа? Просто хотелось бы знать.

– Ты еще хотел очки, – напомнил Кнехт. – Свой любимый «Рэй-Бэн». Он его тут, лейтенант, какой-то бабе подарил. А какой, запомятовал.

– Это все? – поинтересовался лейтенант. – Или будут еще вопросы, сеньор Барро? Свободный, мать твою, художник...

– Только один. Последний. Я вам не показывал свой коронный удар в горло?

С этими словами Барро выбросил руку далеко в сторону и с размаху хлестнул лейтенанта напряженными пальцами по жирным складкам ниже подбородка.

Рука Барро проделала изрядный путь, но лейтенант все равно ничего не успел сделать, только чуть наклонить голову. Теперь, схватившись за горло, он медленно оседал на тротуар. Четверо полицейских провожали его взглядами, пока он не рухнул на колени, хрипя и задыхаясь.

– Сам удивляюсь, как это у меня выходит, – сказал Барро. – Но получается ведь!

– А теперь я ему покажу мой коронный удар в глаз! – пообещал Кнехт, заноса ногу.

– Не надо, убьешь!

– И то верно. Пусть себе так валяется. Ну, пока, ребята, не провожайте нас.

Патрульные, сгрудившиеся вокруг хрипящего лейтенанта, не ответили.

– Надрать бы им уши, – буркнул Кнехт. – Ведь еще утром мы записали их в покойники. А вот – живы, лоботрясы.

– Поехали, – Барро открыл дверь полицейского вэна. – Хотел угнать машину? Вот тебе машина. Садись, я поведу.

Несколько минут они крутились по тесным переулкам, заехали в арку и остановились посреди небольшого уютного дворика. Бампер машины уперся в тихо журчащий фонтан, стены вокруг были густо увиты плющом.

– Красота, – сказал Барро, вынимая из-под рубашки плоский маленький пистолет. – Нас не ждут с этой стороны, пройдем сквозь дом – и мы на месте. Ох, я сейчас оторвусь. Устал притворяться мальчиком для битья.

– Ты хорошо прикрыл меня от Розы, – Кнехт достал такой же пистолет и проверил магазин. – Молодец. Я бы сам не справился.

– Ерунда, сумел бы. Она тратила слишком много сил на то, чтобы закрыть от нас девочку... Но как мучительно было мне изображать беспомощное тело! До сих пор тошнит. Пристрелю ведьму сумасшедшую за этакое унижение.

– Нет, – отрезал Кнехт. – Я убью ведьму. Ты бери ребенка.

– Как прикажешь, командир, – согласился Барро. – Голову даю на отсечение, это не твоя дочь. Кажется, она от Владимира. Ну, рано или поздно найдем Влада – спросим.

– Знаю, что не моя, – сказал Кнехт. – Просто Роза окончательно сбрендила. Но на пару секунд ей удалось испугать меня. И она за это ответит. Работаем? На счет «три». Раз! Два! Три!

– Погнали! – крикнул Барро, прыгая из машины.

Воздух подернулся легкой голубоватой дымкой, она стремительно заполнила весь двор, окутала дом, и две тени беззвучно скользнули в нее. Растворились в ней.

* * *

Барро ошибался, их ждали и с этой стороны тоже. Когда два нюхача примерно равной силы играют друг против друга, такие накладки – обычное дело. Ты пытаешься сбить противника с толку и не дать ему засечь себя – он отвечает тем же. Буквально за несколько секунд весь дом оказался битком набит ложными целями, в нем фантомы гонялись за призраками, и разобрать что-то в этой кутерьме не было никакой возможности. Роза не видела своих врагов, но и враги не понимали, где она прячется. А ведь тут были еще люди, и некоторые из них носили оружие.

И то, что ты движешься быстрее, стреляешь точнее, чуешь опасность затылком, умеешь туманить разум людей и сбивать им прицел – еще ничего не гарантировало.

Ведь ты действуешь по закону и играешь по правилам, а противник – нет.

Едва Барро и Кнехт взбежали на террасу, опоясывающую второй этаж, как распахнулась дверь, и им навстречу вышел мужчина в полицейской форме. Он без предупреждения открыл огонь с десяти шагов, расстрелял весь магазин и не попал ни разу. После чего Барро ударил его в горло, а Кнехт – в глаз, и полицейский рухнул на пол.

Пуля ударила в стену над головой, посыпалась штукатурка. Барро, не глядя, ткнул пистолетом за спину, оружие сухо захрустело, на другой стороне двора вдребезги разлетелось стекло и кто-то упал, не переставая жать на спуск.

Кнехт дал короткую очередь по соседней двери, покрыв ее крошечными оспинками, – за дверью гулко свалились и тонко закричали. Барро толкнул оконную раму, прыгнул через подоконник внутрь дома и сразу кому-то врезал пистолетом по лицу, а потом ногой в живот.

Кнехт на террасе трещал одиночными выстрелами – направо, налево, вверх, опять направо. С крыши сорвалось тело, обрушилось в фонтан и принялось барахтаться, громко призывая на помощь.

В доме отчаянно ругался Барро, раздавая во все стороны пинки и затрешины. Похоже, он там врезался в живой щит из добропорядочных налогоплательщиков и прочих местных граждан. Кнехт, закончив общение с полицией, бросился ему вслед. Тут Барро заорал: «Улица! Улица!» и начал колотить пистолетом по мордам, прокладывая себе дорогу. Поднялся невообразимый гвалт.

Внутри дома нормальный человек не разглядел бы ни черта, но Кнехт определял свой путь и цели не глазами. Разбежавшись в коридоре, он проломил тонкую перегородку между комнатами, за ней еще одну, пинком вышиб дверь и оказался на лестничной площадке – лицом к лицу с тремя запыхавшимися полицейскими.

Первому он локтем свернул челюсть на сторону, второму засветил рукояткой пистолета в ухо, а третий упал сам, когда на него повалились двое, – и вся компания посыпалась кубарем по лестнице, не успев даже приблизительно понять, что произошло. А Кнехта наверху уже не было.

Неподалеку опять стрелял Барро – из окна по улице. Кнехта это немного удивило, но он еще не закончил свою работу и подумал, что нюхач как-нибудь сам разберется. Сейчас надо было прочесывать дом, проверять комнату за комнатой, искать первичную цель. По внутренним часам Кнехта операция шла уже заметно больше минуты, еще немного – и Барро устанет. А когда нюхач устает, он начинает стрелять на поражение, чтобы лишний народ не путался под ногами и не мешал решать задачу.

Кнехт быстро прошел несколько комнат, в которых слабо шевелились ненужные ему люди, выпрыгнул через окно на террасу и дал пинка под зад полицейскому, который ползал там на четвереньках. Пробежал по террасе, снова вошел в дом через дверь, осмотрел

еще несколько комнат и вдруг увидел – на самом деле ощутил, потому что вокруг клубился непроницаемый голубой туман, – где его первичная цель.

* * *

Эта стена была капитальной, а дверь – прочной, старинной, и замок тоже антикварный, не по зубам слабенькому оперативному пистолету. Но рядом оказалась кухня, и там нашлась большая стиральная машина.

Двое схватили железный ящик, оторвали, подняли его легко, будто пушинку, – и с размаху метнули в дверь.

Бабахнуло что надо.

– Здравствуйте, я профессор теологии Якоб Шпренгер! – крикнул Барро, появляясь в проломе. – А это мой коллега Инститорис, он же Генрих Крамер!

– А это, – Кнехт пнул останки стиральной машины, – наш молот ведьм!!!

Роза понуро сидела в глубоком кресле, сложив руки на коленях.

– Клоуны, – сказала она тихонько. – Всегда вы были клоуны.

И опустила глаза.

Барро, дыша, как запаленный конь, подошел к креслу, оперся о спинку и сплюнул на пол. Стало заметно, что он не только растрепанный, оборванный и потный, но еще и очень-очень злой.

– Спеклась толстушка, командир, – пропыхтел он в сторону Кнехта. – Минута сорок две – и спеклась.

– Доклад, – выдохнул Кнехт. – Полный доклад мне.

– Первичная взята, контакт со вторичной утрачен. Потерь гражданского ноль, легко раненых три плюс мелкие травмы. Потерь полиции ноль, легко раненых шесть, средне – пять, один из средних тонет в фонтане, но я уже послал его вытащить. Полицейский спецназ оцепит район через пятнадцать минут, у нас на нейтрализацию и уход десять максимум. Оператор Барро доклад закончил.

– «Оператор Барро»! – фыркнула Роза.

– Заткнитесь пожалуйста, бывший оператор Де Леон.

– Кончай ломать комедию, ты такой же бывший, как и я, – заявила Роза сварливо.

Голубой туман постепенно рассасывался, дом начал оживать. В нем, оказывается, повсюду выли, стонали, кричали от боли, плакали и ругались, особенно громко – на лестнице.

Кнехт взвесил на ладони коммуникатор и сунул его Розе под нос.

– Роза Де Леон, слушайте приговор.

– Да, конечно. Буду слушать и смотреть на тебя. И радоваться тому, как скоро ты умрешь.

– Слушай, пожалуйста, – сказал Кнехт. – Так положено. Это недолго, короткая версия.

Из коммуникатора раздался голос судьбы, зачитывающего смертный приговор дезертиру и государственному преступнику. Роза смотрела на Кнехта и нехорошо улыбалась. Барро стоял у окна и глядел на улицу. Кнехт положил коммуникатор на подлокотник кресла и ушел к напарнику.

– Где вторичная? – спросил он шепотом.

– Ландау увез.

– Ландау?!

– Старик. Вот почему его не было в конторе. Здесь он околачивался.

– Ну и ну!

– Сделал я ему пару дырок в задней двери, стекло разбил, а толку... Роза так прикрыла старика и девочку, что можно было только стрелять по машине, ничего больше. Я их не видел и почти не чуял. Старею, видно. Прости, командир...

– Может, это все и к лучшему, – задумчиво протянул Кнехт. – В целом чистая работа, благодарю.

– Рад стараться, командир.

Приговор и правда оказался коротким. Едва отзвучали последние слова, Кнехт сзади шагнул к Розе. Та встрепенулась, будто проснувшись, села прямее.

– погоди, – сказала она, не оборачиваясь.

– Извини, нет времени, – Кнехт поднял оружие.

– Я должна тебе сказать, Эгон. Ты должен знать...

– ...Что ты соврала мне про девочку?

Роза сжала виски руками, контуры ее тела вдруг расплылись перед глазами Кнехта, и он привычно зажмурился, чтобы стрелять вслепую, по одному чутью. Барро от окна прыгнул к креслу, но наваждение прошло так же быстро, как возникло.

– Уже неважно, – спокойно произнесла Роза. – Игра окончена, мой друг, игра окончена...

– Прощай, – шепнул Кнехт и очень по-будничному выстрелил ей в затылок.

– Пять минут, – сказал Барро, отворачиваясь к окну.

– Что это было? С ней?

– Ерунда какая-то. Если честно, не знаю. Может, она молилась так нашему мутантному богу, которого нет. О прощении грехов просила.

Кнехт нагнулся и сунул коммуникатор Розе под мышку, чтобы считать с чипа свидетельство о смерти.

– Какое решение по Ландау? – спросил Барро. – Сам понимаешь, в такой суматохе я не мог отследить, куда он намылился. Конечно, найти старика – пара пустяков. Но... Он ведь заплатил нам миллион! Тебе не кажется, что, говоря по чести, он выкупил у нас девочку?

– Я подумаю. Сказал уже: не исключено, это все к лучшему.

Кнехт подошел к Барро, взял с подоконника чудом уцелевшую вазу с цветами, швырнул букет на улицу, а воду вылил себе на голову. Подумав секунду, бросил вазу вслед за цветами.

– Хорошо жажнуло! – Барро огляделся, нашел на каминной полке еще одну вазу, схватил ее, выбросил цветы за окно и перевернул вазу над головой.

– Там нет воды, букет сухой, – сказал Кнехт лениво, садясь на подоконник.

– Три минуты сорок пять секунд, – предупредил Барро, швыряя вазу мимо Кнехта на улицу и запуская обе руки себе в волосы. – Там нет воды, но есть что-то подозрительно знакомое. О-па!

На ладони Барро лежал крошечный чип.

Кнехт на подоконнике одной рукой держался за левый висок, а другой растирал грудь в области сердца.

– Опять прихватило? – спросил Барро сочувственно.

– Как всегда. Отходняк. Ты нашел чип девчонки?

– Сейчас разберемся. – Барро прижал чип к коммуникатору и уставился на экран. – Ну естественно. Нашла место, где хранить. Все-таки Роза была редкая дура. Точнее, на редкость самонадеянная дура. Уж на что я самонадеянный дурак, а держу чип сына в банковском сейфе.

– Когда будешь вживлять?

– Вообще не буду. Стукнет парню шестнадцать, отдам ему – и пускай сам поставит куда захочет. Хоть в ухо. А ты своему уже?..

– Ты что, он маленький еще. Годам к пяти-шести поставим. В плечо. – Кнехт отпустил висок и, морщась, обеими руками массировал грудь. – Уф-ф, староват я для этой работы... Ничего, еще минуту – и побежим. Чего там про девчонку?

– Да, в общем, ничего по нашей линии. Мария ее зовут.

– А полное имя?

Барро стоял посреди комнаты над трупом Розы, смотрел на Кнехта и постепенно бледнел.

– Знаешь, коллега... – произнес он медленно. – К дому едет много машин «Скорой помощи». Пара-тройка проскочит сюда раньше, чем спецназ замкнет кольцо. Врачей просто не успели предупредить. И я думаю, ничего страшного не случится, если мы позаимствуем одну машинку. Вместе с экипажем. Поднимайся.

– Не могу пока.

– А я тебе говорю, отрывай задницу от подоконника. У нас две минуты. Ну-ка...

Барро подхватил Кнехта и поволок его из комнаты. Кнехт с трудом передвигал ноги и тяжело висел у напарника на плече. Впрочем, у него еще хватало сил ругать себя последними словами за слабость.

– Ты был великолепен сегодня, – пропыхтел Барро, стаскивая Кнехта вниз по лестнице. – Теперь держись. Я все сделаю.

Кнехт вдруг рассмеялся. Потом закашлялся. А откашлявшись, рассмеялся опять.

– Похоже, Роза не врал насчет заклатья. Ну, Роза... Ну, ты даешь! Наша сумасшедшая ведьма породила та-а-кую... Сумасшедшую ведьму!

– Заклятий не бывает, – отрезал Барро. – Не знаю, на что способна девчонка – Роза прикрывала ее изо всех сил. Может, она вообще нормальная! И уж заклатья она точно не накладывает, это я тебе гарантирую. И как нюхач своему командиру, и как мутант мутанту! Не бывает заклятий, понял?!

– А что бывает? – уныло поинтересовался Кнехт. – От чего я погибаюсь-то?

– У тебя банальный сердечный приступ, – сказал Барро, пинком распахивая дверь на улицу. – И ты не загнешься. Не позволю из вредности!

На улице былолюдно и шумно: наспех перевязанные израненные полицейские отгоняли от дома пострадавших, крича, что тут сейчас будут стрелять. Пострадавшие рвались внутрь спасать имущество.

– Все ходячие – ко мне! Бегом! – рявкнул Барро. – Взяли и понесли! Бегом! Раз-два, раз-два!

– Имя... – прошептал Кнехт, клоня голову на грудь. – Ты не сказал мне полное имя.

– Падай! – скомандовал Барро.

Множество рук подхватило Кнехта, и небольшая толпа быстрым шагом понесла его по улице навстречу сиренам «Скорой». Впереди, расчищая дорогу, топал здоровенный полицейский. Он шел молча, только грозно размахивал пистолетом, а свободной рукой придерживал свернутую челюсть.

– Имя... – шептал Кнехт. – Где ты, Габриэль, черт тебя дерит... Почему ты не сказал мне имя...

– Да здесь я, здесь, куда я денусь! – раздраженно выпалил Барро. – Не знаю, что все это значит, не знаю, что между вами было, и вообще мне наплевать, это ваши дела... Внимание! Левое плечо вперед! Прямо! Стой, раз-два! Двери открыть! Выдвинуть носилки! Опускай! Так, всем спасибо, все от машины! Закройте дверь! Эй, ребята, у нас тут острый сердечный приступ. Полный вперед!

Медики набросились на больного так, будто от его спасения зависели их собственные жизни. Барро убрался в уголок, чтобы не мешать. «Скорая» развернулась на месте и, взревев сиреной, рванула вперед.

– Имя! – неожиданно сильно выкрикнул больной.

– Вот пристал с ножом к горлу! Элеонора-Мария Де Леон Кнехт, – сказал Барро. – Надеюсь, это поможет.

– Я вспомнил... – то ли простонал, то ли промычал Кнехт. – Понимаешь, я вспомнил! Роза затерла мне память... Улучила, наверное, момент, когда я расслабился... Но теперь я вспомнил... Это она перед смертью разрешила... Девочка... Наша... Моя... Как жаль, что ей придется умереть...

Ему надели маску.

Через несколько минут Барро сказал:

– Остановите. Мне здесь больше нечего делать.

Он вышел из машины, которая тут же унеслась прочь, и сразу увидел паб.

Естественно, лукового супа в меню не было.

Зато на одном из столиков лежали забытые кем-то темные очки. Вполне респектабельные.

* * *

С моря дул легкий бриз, и Мария Ландау плотнее запахнула пальто. Набережная была пуста. Набережная всегда оказывалась пуста, когда Марии хотелось побыть одной. Она любила свое одиночество, пестовала его, иногда просто упивалась им. Одиночество значило свободу и независимость. А когда тебе восемнадцать, и то, и другое стоит очень дорого.

Вдалеке показалась фигура мужчины. Он шел навстречу, и так же развевались полы его пальто, и ветер теребил длинные, до плеч, волосы, только не прямые, как у Марии, а немного вьющиеся. Девушке вдруг стало холодно, и сразу тепло, а потом снова холодно, и мир на миг подернулся дымкой, а потом заиграл красками ярче обычного во много крат... Наваждение длилось несколько секунд – и опять все было как всегда. Мария зябко обхватила себя руками и остановилась, выжидая. Что за чертовщина, подумала она. Нервы шалят? Не понимаю.

Мужчина приближался. Он был далеко не молод, но еще совсем не стар, и у него оказалось приятное лицо, только подпорченное застывшим выражением легкой насмешки. Пожалуй, если бы не эта гримаса, Мария смогла бы представить такого мужчину поблизости от себя, хотя и не совсем близко. Он был сильным и взрослым, не то что богатенькие недоросли, окружавшие Марию в университете. И он ни от кого не зависел. Еще несколько лет, и Мария тоже станет независимой. Но, конечно, не такой взрослой. Чтобы стать настолько взрослой, придется набрать чертову уйму опыта. И неприятного опыта будет куда больше, чем приятного, это уж к гадалке не ходи. Впрочем, если верить дяде Давиду, Мария сама отличная гадалка. Вечно Давид смеется – какая жалость, что Мария не торгует своим умением предсказывать... А она не хочет.

Мужчина подошел вплотную и остановился, бесстыдно разглядывая Марию все с той же гримасой насмешки. Мария в ответ присмотрелась и поняла: это не гримаса, а просто такое строение лица. Ну... Можно привыкнуть, если потребуется.

– Вы чертовски хороши собой, – заявил мужчина. – И совершенно не склонны к полноте.

– Интересный способ знакомиться, – сказала Мария. – Хотя, вы правы, я к полноте не склонна, чего нет, того нет.

– Габриель Барро, – представился мужчина. – Свободный художник.

– Мария Ландау. Богатая невеста.

– Вредная профессия! – рассмеялся Барро. – Давид сказал, вы здесь бродите в одиночестве, и я рискнул потревожить вас. У меня поручение деликатного свойства.

– Догадываюсь, – сказала Мария, сама не понимая, что имеет в виду. Но она и правда догадывалась – это человек из прошлого.

Барро молчал.

– Иногда дядя Давид находит людей, которые помнят моих родителей и могут рассказать о них. Обычно самую малость, но хоть что-то... Я называю таких визитеров «люди из прошлого». Надеюсь, это вас не оскорбит.

– Ах вот какое дело... – протянул Барро. – Ну естественно. Разумеется. Там же была катастрофа, тайфуном сдуло целый остров и, в общем, смыло в море кусочек человечества со всей памятью о нем. Тех, кто знал островитян-старожилов, найти трудно, и многого от них не добьешься... Как вы сказали, звали ваших родителей? Эгон и Роза?

– Эгон Эрвин и Роза-Мария Ландау... – пробормотала Мария в легком замешательстве. Пока еще этот человек не пугал ее, но сейчас она была готова испугаться. Ей не нравилось, как изучающе он на нее смотрит. Плевать, что он раздел ее взглядом, но нельзя же раздевать до самых костей, до оголенных нервов.

– Вам было пять лет, у вас была амнезия от долгого пребывания в холодной воде и общего шока, – продолжал Барро. – Амнезия не прошла, да и собственно, много ли помнит такая кроха?.. Хорошо, что Давид достал портреты Эгона и Розы. Это он молодец. А Роза была чертовски хороша собой. Только склонна к полноте. Вечно сидела на диете. «Ах, мальчики, не надо при мне про спагетти...»

Мария отступила на шаг. Ей хотелось убежать. И опять было холодно, очень холодно.

– Да и Эгон был видный мужчина, – сказал Барро. – Ранняя лысина даже шла ему. Он превратил свой недостаток в элемент стиля, а это, согласитесь, не каждому дано.

– Чего вам надо? – спросила Мария срывающимся голосом. – Зачем вы здесь?

– Говорю же, у меня поручение деликатного свойства. Видите ли, тринадцать лет назад вы потеряли это, – Барро поднял руку, между пальцами что-то блеснуло. – И я сейчас должен решить, отдать вам эту вещицу или...

«Чип», – хотела сказать Мария, но голос окончательного сел, и она только страдальчески всхлипнула. К глазам подступали слезы. Держась со всем возможным достоинством, Мария откашлялась и отступила еще на шаг. Потом еще. Это казалось правильным.

Барро не трогался с места.

– А что если я вызову охрану? – сказала Мария задумчиво. – Они заберут эту штуку, а вас отправят туда, откуда вы пришли.

– Вызывайте, – равнодушно ответил Барро. – Я человек деловой, работаю за деньги, жизнь моя бедна развлечениями. Тревожная кнопка у вас в правом кармане, жмите без церемоний, буду только рад. Давно не стрелял по движущимся целям.

– Вы наемный убийца?! – выдохнула Мария.

– А чего вы сразу так обрадовались?

– Кто? Я?!

– Ну да. Вы бы себя видели. Между прочим, в работе наемного убийцы романтики ни на грош, и люди в эту профессию идут скучные. Трезвый расчет, скрупулезность, дотошность на грани педантизма. Никогда они мне не нравились. И вам не понравятся, честное слово. Вот, к примеру, как вам Давид?

– Я очень люблю дядю Давида, – сообщила Мария надменно.

– И он вас тоже очень любит. Но согласитесь, он же невыносимо скучный человек.

– Ну... – Мария опустила глаза и принялась рассматривать узорчатые плиты набережной. Она их сама выбирала, дяде Давиду такое доверить нельзя. Если честно, все поместье было выстроено по ее проекту, Давид только кивал и соглашался. Повезло, что тетя Сара такая лапочка и принимает дизайнерский талант Марии как нечто само собой разумеющееся. Другая бы убила просто из ревности.

– А вы, значит, не скучный, – сказала Мария, нервно поглаживая тревожную кнопку в правом кармане. – И кто вы тогда?

– Свободный художник. А ваш отец называл себя писателем-профессионалом. И всегда добавлял: дорого. Шутник был.

– А мама?

Барро помедлил с ответом. Сделал пару шагов, подойдя к Марии вплотную. Она не отодвинулась. Барро стоял так близко, что она чувствовала его дыхание на своем лице. Было очень страшно и... хотелось еще.

– Я смотрю на вас и жалею, что ваша мама была не такая... – сказал он наконец.

– А какая я? – спросила Мария, задыхаясь.

Ноги у нее подкашивались, внутри все горело. Она чувствовала себя так, словно ей только что отменили смертный приговор. Хотелось прыгать до неба и спать одновременно. Еще трахаться. Да хоть вот с этим негодяем – повалить и изнасиловать. А потом убить за все, что он с ней сделал. Это ведь он ее изнасиловал ментально. Выжал как губку. Кто он, черт побери?!

– ...И даже жалею, что я старше вас на тридцать лет. Впрочем, это безумие. Вы дочь Эгона. Все равно, что хотеть собственную дочь.

– Так какая я? – спросила Мария.

– Нормальная, – сказал Барро очень жестко, будто поставил диагноз. И добавил непонятно и сурово: – Значит, будете жить...

Выдержал паузу и закончил:

– Долго и счастливо.

Он протянул ей руку. Крошечный чип лежал на ладони, и Мария осторожно взяла его.

– Конечно, надо учесть, что вы патологически везучи, – сказал Барро. – Все обычно бывает именно так, как вам хочется, верно? Но это, на ваше счастье, ненаказуемо. Просто удача. Некоторым, знаете ли, везет. А остальным – не очень.

Мария крепко зажала чип в кулаке. Наваждение прошло, страхи отступили, все опять было просто и ясно. И Барро уже не пугал ее совершенно. Хотя по морде она ему съездила бы – за все хорошее. А потом поцеловала бы. И они стали бы друзьями. Но можно дружить и так, без церемоний. Обойдется без поцелуя, не развалится, пижон лохматый.

– Пойдемте со мной, – сказала она. – Я налью вам выпить. Потом мы сядем у камина, и я буду читать, что тут записано. А вы мне расскажете все остальное.

Барро нерешительно почесал в затылке.

– Спасибо, конечно, – сказал он. – Но тут поблизости есть заведение, где прекрасно готовят французский луковый суп. Знаете таверну у развилки? Вот я лучше там посижу часок-другой. А вы, если решитесь, приходите, тогда и поговорим. Не хочу лишний раз встречаться с Давидом.

– Потому что он скучный человек?

– Нет, это я еще могу вынести. Но Давид, когда увидел меня сегодня, то с ходу предложил десять миллионов и долю в бизнесе. Десять миллионов он давал за то, что я вас, извините, не пристрелю. А долю – если пойду к нему советником. Давид упорный, просто так не отступит. Если он снова будет звать меня на работу, я наверняка сорвусь и покажу ему свой коронный удар в горло. А удар этот у меня получается все лучше и лучше, некоторых приходится лечить... Я понятно излагаю?

– Но вы не убили меня бесплатно, – сказала Мария, поражаясь тому, как легко говорит такие дикие вещи.

Барро кивнул.

– И служить у Ландау не хотите... Как-то это не вяжется с заявлением, что вы работаете за деньги!

– Я ведь не просто художник, а свободный художник, – сказал Барро. – Сам решаю, кого защищать и кому служить. Что, богатая невеста, завидно?

– Да ну вас! – Мария рассмеялась и подумала: «А ведь он прав, очень прав. Он знает о жизни такое, чему стоило бы научиться».

– Значит, Мария, два часа я жду в таверне. Приходите. Если, конечно, не боитесь услышать, как я из-за вас потерял близкого друга и как ваш отец убил близкого друга – тоже в некотором смысле из-за вас. И как Абрам Ландау, рискуя жизнью, спасал маленькую девочку, пока ваша мама отбивалась в одиночку в окружении, и мы не могли ей ничем помочь... Я расскажу, почему у вас стерта память. И почему Шестую Миротворческую Бригаду зовут Истребительной. Добро пожаловать во взрослый мир... Элеонора-Мария Де Леон Кнехт.

Барро сунул руку за отворот пальто – высоко, не туда, где прячут оружие. Достал темные очки, придирчиво осмотрел их и надел, сразу отгородившись от Марии невидимой стеной.

– Такое имя... Трудно будет запомнить... – прошептала Мария.

– Еще труднее будет поверить, – пообещал Барро.

Он повернулся и, не прощаясь, ушел вдаль по набережной.

* * *

Мария глядела ему вслед и думала – интересно, что он скажет, если она сейчас уронит чип и разотрет в пыль каблуком.

Просто уронит и наступит. Потом надо будет сильно нажать и повернуться. И все.

Истребительная Бригада уничтожала мутантов. Вот такие яркие и красивые люди, как этот Барро, – уничтожали. Искали, преследовали, загоняли и убивали. А скучный дядя Давид всю жизнь выручал несчастных. Спасал. И на чьей стороне были родители Марии, яркие и красивые люди, – непонятно. Пока непонятно.

Мария разжала кулак. Маленький чип скрывал большую тайну. Не станет его – не станет и тайны, Барро ничего не сумеет доказать. И он не заставит ее слушать.

Мария стояла, Барро уходил. Как он ее назвал? Одна фамилия похожа на испанскую, другая на немецкую. И никаких Ландау в помине.

Она незаметно опустила чип в карман и представила, как роняет его и топчет. Представила так ясно, что совершила это движение – рукой, потом ногой и всем телом. Стальная подковка звонко клацнула... Матерь божья, неужели она и правда сделала это?!

Барро уходил все дальше.

Мария шарила в кармане. Ох, ну конечно, чип на месте. А Барро знай себе вышагивает. Не попался. Не проймешь его такими фокусами. Убила бы.

– Да стойте же! – закричала она. – Погодите!

Его надо удержать. Вдруг он обманет и не пойдет в таверну? И плевать, что он грозился показать дяде Давиду какой-то там удар. Дядя сам может врезать. Пускай отдубасят друг друга, обоим будет полезно.

Крепко вцепившись в чип и размахивая свободной рукой, Мария бежала по набережной.

Далеко впереди Барро, продолжая идти, читал ее простенькие мысли и думал: а ведь мог бы взять десять миллионов – уйма денег! – растоптать чип прямо у Давида в кабинете и уйти. Исполнить мечту Розы – все забыть. И девицы этой, совсем не склонной к полноте, в глаза не видеть. Мало ли, что она была на подозрении. Не в списке ведь. Много лет я боялся этой встречи. Искал ее – и боялся. Мог я окончательно струсить при мысли, что сегодня придется убить дочь Эгона?

Мог? Или нет?

Невольно Барро прибавил шагу.

С другой стороны, подумал он, девица-то на самом деле славная. Не дура, красotka и действительно богатая невеста. А у меня сын редкий симпатяга и такой же, в общем, балбес, они друг другу сразу понравятся, гарантирую, как опытный нюхач.

Эта мысль заставила его слегка притормозить.

Хотя наследственность у Марии, признаем честно, жутковатая. Мало ли, что она каким-то чудом не мутант! Но что за демоны кроются у нее внутри, помимо уникальной везучести? Мамина неуправляемость вкупе с разгильдяйством и дикой самоуверенностью. Папина упертость, агрессия и в то же время душевная ранимость. Прямо Молотов-коктейль.

Да, но мой-то парень взглядом уже не ложки гнет. Он такое загибает, что только держись. Весь в отца. И совсем не хочется гнать его пинками в Шестую Бригаду: хорошему там не научат. А придется.

Как все трудно. Роза любила меня, я не любил ее. Потом она влюбилась в Эгона, но он не пошел за ней в бега – и она стерла ему память. Потому что заботилась о нем. И Марии стерла память по той же причине. А Эгон заботился обо мне. А мне придется заботиться о Марии – то есть для начала наврать ей с три короба о родителях. И жить с этой ложью до конца своих дней. Давид тоже о ней заботился и тоже врал. Надо будет все-таки показать ему мой удар в горло. Просто чтобы поменьше задирает нос.

Почему я не взял деньги, ну почему, думал Барро. Мне сорок восемь, мне все надоело до чертиков, я же не потяну такую обузу...

Мария налетела на него сзади, вцепилась в рукав и повисла.

– Хорошо, что ты выросла не толстая, – сказал ей Барро уныло. – А то бы рукав оторвала. Эх, Мария, представь только, мне сорок восемь лет! И вчера было, и завтра будет. Опять сорок восемь. Кругом сорок восемь. И самые яркие дни позади, и самые красивые дела. Ничего нового. Что бы ты мне ни сказала, я это уже слышал. Что бы ни показала – я это видел. Тоска – застрелиться впору...

– Пить надо меньше! – посоветовала Мария, точь-в-точь воспроизводя интонации Эгона Эрвина Кнехта.

Барро глухо застонал и крепко зажмурился.

У себя в кабинете Давид Ландау выключил монитор слежения и устало откинулся на спинку кресла. Он привязался к Марии как к родной, безо всяких задних мыслей, и страшно боялся, что Барро ее пристрелит. А Барро по-прежнему обожал запугивать людей и сегодня поиздевался над Давидом всласть... Но теперь дело приобретало интересный оборот. По надежной информации, у отставного нюхача очень талантливый сын, мутант. Мальчику всю жизнь нужно будет прикрытие. Самый простой вариант – Шестая Бригада, но вряд ли эта перспектива сильно радует Барро. Тем временем концерн Ландау набрал такую силу, что сумеет защитить любого. И предоставить ему огромные возможности. Концерну Ландау не впервой уговаривать талантливых молодых людей. Но можно сделать проще – познакомиться младшего Барро с Марией. Вдруг повезет? Девочка спит и видит, как бы избавиться от опеки. И при всей взаимной любви, унесет из дома кучу денег. Но зачем ей уходить, если ее мужчина работает на Ландау? А мутанты умеют привязывать к себе партнеров. Они дружат насмерть и любят до гроба. Им это необходимо. Им ведь очень трудно жить. Оставшись наедине со своим даром, без семьи или без команды, что примерно одно и то же, одинокий мутант постепенно сходит с ума и рано или поздно начинает призывать смерть. Так погибла мать Марии. Фактически убила себя, хотя и сопротивлялась до последнего вздоха. Бедняжка родилась с душой и характером одиночки, и ее конец был предрешен, едва она попала в Богом проклятую Шестую Бригаду.

Нет, пускай у этого парня все будет хорошо. И у Марии. И у нас все будет хорошо!

Давиду казалось немного стыдным так оценивать события, но тем не менее день выдался прибыльный.

Он сэкономил десять миллионов, и намечается очень интересный гешефт.

...Не-ет, подумал Барро, ударом в горло этот пройдоха не отделается. Прямо следом я покажу ему коронный удар Эгона в глаз! Получится хороший задел для переговоров. Мне Давид предлагал два процента, а за своего парня я сдеру все пять.

Тридцать сребреников, говорите? Не-ет, ребята.

Это только ваш Иуда мог так продешевить.

Мы ведь за эти деньги – работаем.

Нанотехнология

Ближе к обеду Гудкова, как младшего в бригаде, послали в магазин.

– Учти, Гудок, попадешься – ты нас никогда не видел! – напутствовали его привычной шуткой.

Гудков скинул робу, взял потертый дерматиновый портфель, вышел из цеха, пролез сквозь дырку в заборе.

Дирекция завода недавно добилась через горком партии, чтобы закрыли винный напротив проходной, и теперь в магазин надо было топтать километра два, через мост. Это так и звали – «сбежать через мост». Бегали, понятное дело, ученики и практиканты, у них ноги молодые.

Повезло – трамвай подъехал. Гудков встал на задней площадке и принял независимозадумчивый вид, будто он студент какой. Пассажиры, в основном пенсионерки с авоськами, смотрели на комсомольца с портфелем без сочувствия – у самих такие же оболтусы на производстве, и понятно, куда они все перед обедом бегут... Дребезжа и сотрясаясь, железная коробка довезла Гудкова почти до цели.

Первым делом он воровато огляделся. Ментов поблизости не было. Гудков прошел вдоль витрины – патруль мог подстерегать внутри магазина, – но опасности не обнаружил.

Очередь была слишком длинная. Сплошь дедушки и бабушки, вперед не попросишься, обматерят только, а могут и палкой заехать пониже спины. До обеденного перерыва оставалось минут десять. Гудков со вздохом покинул магазин, обошел его с тыла и сунулся к служебному входу.

Знакомый грузчик, тощий мужик лет тридцати, был тут как тут, курил на солнышке. Физиономию грузчика украшал внушительный синяк.

– Шестью шесть сделаешь? – спросил Гудков.

Их в бригаде шестеро, считая Гудкова, это три бутылки в обед, а чтобы до конца смены хватило – еще три, как раз удобно в портфель влезает.

– Деньги вперед, – промолвил грузчик сумрачно.

– Ты чего? – удивился Гудков.

Водка стоит пять двадцать пять, «опять двадцать пять» по-простому. На вынос – шесть. Грузчик с одного Гудкова наварит себе на портвейн и закусь. При таком щедром заказе надо уважать клиента.

– Вчера один тоже заказал шестью шесть. Ну, я вынес. Он правой хватить портфель, а с левой мне в торец прислал...

– Увольнение отмечал, – догадался Гудков.

– Откуда я знаю, может, ты тоже увольняешься...

Гудков решил не спорить и протянул грузчику пачку мятых рублевок и трешек. Тот пересчитал деньги, взял портфель и исчез в недрах магазина. Гудков закурил.

Грузчик вернулся быстро. Портфель стал приятно пузатым на вид и гулко позвякивал.

– Ментов не видать сегодня, – поделился радостью Гудков.

– Перед тобой четверых сцапали, оформлять повели. И не отмажешься – пришли за полчаса до обеда, почему не на работе?

– Вот же гадство, – сказал Гудков.

– Вкалывать надо, а не водку пьянствовать, – посоветовал грузчик. – Вот вы сейчас зальете глаза, и на конвейер, а народ потом удивляется, отчего у наших машин колеса отваливаются на ходу. «Советское значит отличное», мля...

– Я не гайки кручу, – надулся Гудков, – я с Нанотеха.

– А-а... – протянул грузчик. – Объемные взрывы, текучая броня, «умные пули»? Асимметричный ответ блоку НАТО и израильской военщине?

– Откуда ты взялся такой умный? – спросил Гудков подозрительно.

– Из Бауманки, – ответил грузчик просто. – Преподавал слегка.

Гудков малость опешил. Бауманка – это было, по понятиям родного завода, очень серьезно.

– И чего же ты... Тут?

– А компания хорошая. Одних кандидатов, вот вроде меня, четверо. Только мясник подкачал, он с филфака.

– И чего вам нормально не живется, а? – поразился Гудков.

– Нормально – это как?! – окрысился грузчик. – Шел бы ты, парень. Тебя деда твои по головке не поглядят за опоздание. Ударники, мля, коммунистического труда...

Гудков подумал, не засветить ли грузчику во второй глаз, но решил не портить отношения. Грузчик был человек архиполезный. Бригаде к обеду вынь да положи по чекушке хотя бы. Переплачивать бригада готова, денег полные карманы, а вот оставишь старших товарищей без подогрева – загрызут.

– Ладно, – сказал Гудков. – Ты это... Ну, будь здоров.

Грузчик молча кивнул. Гудков побежал на трамвай.

У дырки в заборе скучал патруль, к счастью, Гудков заметил ментов издали. Штурмовать забор было невозможно – поверху шла не просто колючая проволока, а спираль Бруно, да еще якобы под током. Гудков потерянно свернул к проходной. Но тут фортуна улыбнулась снова – в ворота заезжал самосвал с песком. Гудков спокойно прошел на территорию, укрывшись за грузовиком от окон КПП, и бодро зашагал в цех.

Сразу будто расправились плечи. Гудков недавно это за собой заметил: чем ближе к заводу, тем лучше настроение, а по территории он не ходит – летает. Тут все свое, понятное и близкое, и что за этой стенкой бухает, и что вон в том ангаре молотит, а уж родная установка... Прямо не отлипал бы от нее, хоть домой не ходи.

– Ты представь, Михалыч, – сказал он бригадиру, отдавая портфель, – грузчик-то в винном целый кандидат наук! Из самой Бауманки! Говорит, в магазине таких кандидатов полным-полно!

– Тоже мне... Ты любого таксиста спроси, где учился, – обалдеешь. Короче, там весь Университет.

– Но почему?! – задал Гудков простой и донельзя емкий вопрос.

– Интеллигенты, мля, – дал бригадир не менее емкий ответ. – Беги в столовку, Гудок. И, короче, не бери худого в голову. Кстати, и толстого не бери, хе-хе...

Быстро подкрепившись наваристым супчиком и синей котлетой с серыми макаронами, Гудков вернулся в цех. Из подсобки ему махнули – заходи.

Там было уже накрыто на газете «Правда»: килька в томате, хлеб, крепенькие домашние соленые огурчики, покупным не чета. Стаканы налили доверху.

Бригадир порылся в кармане и достал серебристый цилиндрок. Отвинтил с двух концов крышечки, обнажились иголка и поршень с дозатором. Бригадир аккуратно нацедил в каждый стакан по микроскопической капельке и снова завинтил прибор.

– Ну, короче, за нанотехнологии! Вздрогнем, товарищи!

Вздрогнули.

Водка была теплая, но Гудков уже приучился. Это сначала трудно, а когда появится навык – само затекает. Главное – навык. Это как на работе.

– Ты закусывай, Гудок, – привычно-заботливо сказал бригадир, протягивая огурец.

Гудков послушно закусил. Водка сразу ударила в голову, и он вдруг ощутил, как бегут по венам юркие наночастицы, проникая во все его молодое существо, наполняя силой и задором.

Он не мог этого чувствовать. Но казалось, чувствовал – и радовался. А ведь было поначалу боязно. Год назад, придя в цех учеником оператора, Гудков лишь рассмеялся, услышав намек, будто работяги в обед хлещут собственный продукт. Но когда бригада присмотрелась к новичку, начала гонять его за водкой, а потом и зазывать в подсобку... Однажды мастер при нем, не таясь, достал шприц-пробник.

«Зачем?!» – спросил тогда Гудков с легким ужасом.

«У нас профессия вредная, – объяснили ему. – А ты не знал? Конечно, никому не говорят... Но мы-то знаем. Короче, хочешь скопытиться? Ах, не хочешь! Тогда пей. Это помогает. Оно и для потенции, кстати, хорошо».

И Гудков выпил.

Выпил опасно. А вдруг наночастицы превратят его в какого-нибудь Железного Дровосека? Но вокруг ходили люди, употреблявшие продукт который год, – и выглядели нормальными. Веселыми даже.

«Не вздумай проболтаться, – сказал бригадир. – Сядешь мигом. Короче, производство секретное, ты подписку давал, так что и это – секрет».

Гудков не проболтался. Да он и не хотел.

...По второй разлили сразу же, Гудкову, как молодому – полстакана. Куда ему целый, парню еще восемнадцати нет. Быстро хлопнули, закусили, закурили. Бригадир высунулся в цех, не видать ли начальства. Сказал, короче, горизонт чист, установка пашет штатно. А чего ей не пахать, Гудков и из подсобки чувствовал, как по железным венам машины бегут юркие наночастицы... Словно по его венам. Он за год так насобачился, так отточил навык, что спокойно мог контролировать машину, не подходя к своему пульта. Иногда ему казалось – если он очень захочет, то сможет вмешаться в технологический процесс «без рук», одним усилием мысли. Это было, конечно, от водки. Пьяные фантазии. Но они тут, как признавались мужики, посещали всех и каждого. И воодушевляли.

– Короче, – сказал бригадир, – давай по третьей, и похилиляй на трудовую вахту. А то неровен час припрется кто...

Хлопнули по третьей – и похилиляй. Гудков остался в подсобке убирать. Потом, выходя, на секунду задержался в дверях. Если смотреть отсюда, из тесной комнатухи, установка выглядела еще прекрасней, чем была. Иногда она казалась ему женщиной – взрослой, опытной, ласковой, все понимающей, с большой тяжелой и теплой грудью. Не то что тощие девчонки из «технаря» с их наносиськами...

Потолок огромного – хоть катайся на машине – цеха возносился к небу. Установка тихо урчала. Но урчала неправильно – с легким присвистом. Гудков принялся и почувствовал едва уловимый запах.

Мимо прошел оператор контроля, чем-то озабоченный.

– Утечка в шестом блоке? – спросил Гудков, пристраиваясь рядом.

– Ишь ты, – оператор замедлил шаг и внимательно поглядел на своего ученика. – Как насобачился уже! Да, шестой подтекает. Ну-ка, комсомолец, ноги молодые, добеги до пульта, скажи мне сколько.

– Да я и так чую – семь, ну восемь в секунду.

– Не угадал, двенадцать почти. Ничего, подучишься – тоже сможешь без приборов угадывать. Тут все просто на самом деле, главное – процесс как следует изучить. Главное – что?..

– Навык! – отрапортовал Гудков.

– Молодца, – похвалил оператор. – Ну а раз так, дуй-ка, парень, к трубе и звони ремонтникам. Двенадцать – это уже сифонит всюю, заваривать надо. А у нас не те навыки, операторы мы, хе-хе... Дуй!

И Гудков весело дунул к телефону.

Он быстро шагнул мимо облезлого пожарного щита, цеховой Доски почета с вымпелом победителей соцсоревнования, мимо пожелтевшей стенгазеты и длиннющего лозунга на выцветшем кумаче: «150-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ЛЕНИНА – 150 НАНОТЕХНОЛОГИЙ!»

У телефона стоял инженер, солидный, при галстуке. Трубка, разумеется, висела в воздухе. Руки инженер держал в карманах. Диск на стареньком аппарате крутился сам собой, набирая номер.

– Тебе чего? – обернулся инженер.

– У нас утечка легонькая, – объяснил Гудков, смущаясь и дыша в сторону. – Я насчет ремонтников...

– Я уже вызвал. Развонялись на весь завод, операторы хреновы, совсем от выпивки нух потеряли...

«Вот это мастер!» – обалдело подумал Гудков.

Инженер глянул на него искоса и буркнул:

– Просто водкой разбавлять не надо.

Тут Гудков неожиданно вспомнил грузчика – кандидата наук.

И от всей души пожалел его.

Слабое звено

Весенние учения шли своим чередом, пока вдруг не вмешался главный инспектор. Заслуженный старый черт, он с утра пораньше съел таблетку от малярии, приперся на полигонный КП и как начал давать вводные – со святыми упокой.

Мобильная группа «синих» ждала поддержку с воздуха. Там надо было ткнуть всего ничего, одной штурмовой эскадрильей, ослабить фланг «зеленых». Поднялась стая «Воронов», чешет на подмогу – аж земля дымится.

Инспектор пригляделся, оценил расклад сил и говорит:

– А ну-ка, устроим этому «синему», как на реальной войне! Чтобы знал! Слушай меня! «Зеленый» наводит помеху, у штурмовиков сбоят навигация, и они наносят удар по своим! Выполнять!

На КП, конечно, расстроились. И «синий» красиво из мешка выходил, и «Воронам» пришлось бы по итогам дня обнулять память, чтобы глупостям всяким не учились. Но не спорят с главным инспектором, когда он хочет в войну поиграть.

Эскадрилья, ругаясь про себя последними словами, взяла «Воронов» на ручное и довернула, куда сказано.

Тут как нарочно «зеленые» засекли мобильную группу и приняли ее за авангард главных сил противника. Высчитали, где должно быть ядро «синих», и бодро нанесли в ту сторону – по степи глухой – такой могучий удар, о котором говорят: «Вон летит наш военный бюджет».

Ракетные батареи «зеленых» открылись перед «синими» как на ладони. Та самая мобильная группа чудесно их накрывала. Получив приказ «хреначить немедленно всеми наличными средствами», группа встала, развернулась – и захреначила.

Совершенно точно зная, что своих на линии огня нет.

На КП посредник увидел, как пересекаются траектории штурмовой эскадрильи и «синего» залпа, сдвинул фуражку на затылок и сказал:

– Оцените, господа офицеры. Из пушек по воробьям. Интересно, проскочат или нет?

На реальной войне противник стреляет по штурмовикам из всего, от пистолетов до танковых орудий. А поскольку линия соприкосновения войск – место суматошное, то и от своих штурмовикам достается. На них случайно роняют сверху бомбы, нечаянно поддают под зад из минометов и гаубиц, по ошибке догоняют в загравок ракетами. Но групповой ракетно-артиллерийский заградительный огонь – это уж извините, такого в природе не бывает. Натурально из пушек по воробьям.

Воробьи обычно не выживают, сдувает их. А в штурмовик надо еще попасть.

Конечно, всем было очень интересно, что получится. Господа офицеры на КП бились об заклад: уцелеют штурмовики, наткнувшись на залп, или нет, и сколько конкретно накроется.

А звено капитана Боброва, как раз плотно вставшее на боевой курс, влетело в рыже-фиолетовую огненную стену, в это марево и зарево, в этот последний день Помпеи – и сгнуло в нем.

И слышно было только, как капитан, известный железным самообладанием в воздухе, сказал три коротких русских слова:

– За мной, проскочим.

Он хотел уйти круто вниз, но успел только обозначить это движение, опустив нос. Здоровенный снаряд условно жажнул капитану прямо в двигатель. Бобров произнес одно русское слово, после чего от обиды замолк насмерть, долго не могли докричаться до него.

Двое из ведомых капитана, Чумак и Хусаинов, условно прожили в стене огня еще долю секунды. Чумаку снесло хвостовое оперение; Хусаинов забодал ракету «земля – земля». Можно было с чистой совестью лететь домой, что оба и сделали, засоряя эфир неуставной лексикой. А вот замыкающему, старшему лейтенанту Пейперу, про которого болтали, что он гениальный пилотажник, и это его однажды погубит, – не повезло. Из огня он выскочил целехонький, но напоролся на тылы «синей» группы, где ползла себе потихоньку неисправная зенитка. Неисправная реально, поэтому с нее поотвинчивали разные нужные детали, а саму зенитку перевели на полный ручник и выдернули все штекеры из разъемов – мало ли, вдруг пальнет. Вел машину экипаж из писарей, художников и поваров, то есть людей вменяемых, к подвигам не склонных. Эти-то интеллигенты и засадили Пейперу в лоб из четырех стволов и с двух направляющих – спасибо, условно.

Соображать надо все-таки, что один из штекеров втыкается не в ерунду типа датчика наполнения туалета, а в распознавалку «свой-чужой».

Поняв, что его опять сбивают дружественным огнем – второй раз за последние три секунды, – Пейпер крутанул противозенитный финт на недопустимой высоте и зацепил крылом самоходную полевую кухню. Кухню он разнес в клочья, а себе сломал руку, два ребра, вывихнул ногу, выбил зуб и еще ручку управления вырвал с мясом.

Он этой ручкой надавал по головам солдатикам, которые прибежали его извлекать из-под обломков.

«Синие» вообще ничего не поняли.

Инспектор, очень довольный, ушел обедать. Сказал, вот именно такой бардак на реальной войне и бывает... Сынки!

Господа офицеры на КП подсчитывали, кто кому сколько проиграл.

Командир «синих» открытым и не вполне цензурным текстом просил объяснить, куда это с такой скоростью улепetyвает его воздушная поддержка.

Дальше все пошло наперекосяк из-за того, что Пейпера увезли в госпиталь. В других обстоятельствах командир штурмового полка должен был пригласить к себе «комэска-раз» и жестоко обидеть. Затем комэск приватно обидел бы Боброва. Потом застроил бы эскадрилью и вывел из строя Пейпера, дабы общественность знала, кто у нас герой дня. И уж после Бобров, в свою очередь...

Бобров решил, что раз Пейпер выбыл из игры, то и ему этот цирк тоже не интересен. Он пошел в санчасть, выпросил бюллетень и очень быстро покинул расположение полка. Вслед капитану помчался выговор за низкую летную дисциплину звена.

Чумак нашел у себя на хвосте ссадину и потребовал расследования – какая зараза стреляла боевыми. Поскольку вся пальба была компьютерной симуляцией, командир штурмового полка назначил сразу две экспертизы. Одна должна была установить, как именно Чумак ободрал самолет, другая – зачем он это сделал. Вторую экспертизу повесили на психолога, который тут же скрылся в направлении санчасти.

Хусаинов написал рапорт, где обстоятельно изложил, почему и отчего «Вороны» не могут наносить дружественные удары, а значит, летное происшествие со звеном Боброва не следует отражать в итоговом протоколе учений.

У Пейпера в госпитале установили ко всему прочему еще и сотрясение мозга. Пейпер заявил, что долго терпел, как над ним измывались Военно-Воздушные Силы, но всему есть предел, и теперь-то господа начальники точно могут сушить сухари.

Бобров лежал дома, слушая, как ноет сердце.

* * *

Стас Васильев шел по аэродрому, мечтательно улыбаясь. Все вокруг было настоящее. Бетонка, ангары, даже забор вдальке – именно такие, как положено настоящей летной части, которая занята настоящей работой.

Этот аэродром и летная база родного училища были словно две капли воды. Но то ли в здешнюю воду плеснули топлива, то ли она от природы уродилась жестче – все казалось более выпуклым, четким, живым. И люди тут служили... Живые. Даже встречный механик козырнул молодому лейтенанту именно так, как очень занятой опытный механик козыряет молодому лейтенанту. У механика были чистые ухоженные руки, но на щеке красовалось пятно смазки: наверное, ковырялся глубоко в брюхе «Ворона», приложился и не заметил.

Это было здорово.

Ангар второго звена первой эскадрильи был распахнут настежь. В дверях валялись грудой чехлы, а на чехлах лежали двое в рабочей форме летного состава, оба без головных уборов и при кроссовках вместо ботинок. Один чернявый, другой русский. Они, казалось, спали.

Стас кашлянул.

Чернявый приоткрыл левый глаз.

– Слушаю вас, молодой человек, – сказал он, потягиваясь.

– Лейтенант Васильев прибыл для дальнейшего прохождения службы! – доложил Стас.

Чернявый, кряхтя, встал. Русский приподнялся на локтях и с интересом разглядывал новичка.

– Старший лейтенант Чумак, – сказал чернявый, протягивая вялую руку. – А это, – он мотнул головой в сторону чехлов, – старший лейтенант Пейпер и старший лейтенант Хусаинов.

Стас недоуменно посмотрел на чехлы.

– Добро пожаловать в пилотажную группу «Бобры»! – провозгласил Чумак. – Наш девиз, парни?..

– ГРЫЗЁМ ВСЁ!!! – рявкнул от души русский.

Чумак обернулся и хмуро уставился на него.

– Блин пасхальный, – сказал он. – Это я по инерции. Никак не привыкну, что Сашку списали. Думаю, он здесь. А его нет. Знакомьтесь: старший лейтенант Хусаинов.

Русый наконец изволил встать.

– Виктор, – представился он, широко улыбаясь. – Добро пожаловать.

Рукопожатие у него оказалось крепкое, но деликатное.

– Станислав, можно Стас, очень приятно.

– Приятно или неприятно, – заявил Чумак, – а девиз пилотажной группы «Бобры» тебе надо выучить наизусть. Чтобы от зубов отскакивало. Я проверю. Хочешь, я тебе его запишу?

– Чего пристал к человеку... – буркнул Хусаинов, падая обратно на чехлы.

– Пусть знает, – объяснил Чумак, укладываясь рядом. – Пусть ощутит, какие у нас славные традиции.

– Вот Боб придет, он тебе покажет славные... Стас, не обращайтесь внимания. Игорь шутит. Но слоган вам и правда надо выучить. Действительно запишите, а то вдруг забудете...

Стас на всякий случай улыбнулся и кивнул.

– Присоединяйся, коллега, – Чумак похлопал по чехлам. – У нас по плану до «тысячи сто» политинформация. А потом на технику.

Стас осторожно сел и поглядел через плечо в глубь ангара.

Там творилось что-то загадочное.

Три ухоженных «Ворона» стояли, как положено, на штатных местах. А четвертый – в угол носом.

– А-а... – недоуменно протянул Стас. – А?

– Чего? – удивился Чумак. – А, это... Он наказан.

– За что?!

– Было бы за что, огреб бы шваброй по носу. Молодой, вот и наказан, – добродушно объяснил Чумак. – Превентивно. Ничего, пускай так постоит немного. Подумает о своем поведении.

Стас смотрел на развернутую машину и не знал, как реагировать. Это было похоже на какую-то дикую недобрую шутку.

Девиз пилотажной группы «Бобры» уже не казался Стасу задорным и смешным.

– Это жестоко... – вырвалось у него.

– Дружище, – мягко сказал Чумак. – Ты теперь в армии. Здесь не бывает жестоко. Здесь бывает только как надо. И далеко не обо всем, что надо, пишут в учебниках.

– И?..

– Этот вороненок едва вылупился. Помимо заводских тестов один реальный вылет, да и то с перегонщиком. У него мозги птенца. Но тело взрослой птицы. И как прикажешь объяснить этому королю воздуха, что он пока еще самый глупый и самый слабый в стае? Что рядом с ним матерые трехлетки, битые-перебитые, которые знают о войне все?

– ...И даже лишнее, – ввернул Хусаинов.

– Не уверен. Я бы поспорил.

– Вот Боб придет, он тебе поспорит...

Чумак повернулся к Стасу и непонятно спросил:

– Ну?

– Не знаю, – честно ответил Стас.

– Ну так знай, как вводят молодую машину в слетанное звено и готовят к первой встрече с наставником. Птенчик сейчас притих с поджатым хвостом. Он затаился и ждет. А ты еще посидишь, освоишься, успокоишься. А потом крепкой рукой поставишь его в строй. И будет у вас любовь до гроба.

– Это... Мой?!

– А чей же, – Чумак усмехнулся и снова лег на чехлы.

Стас почувствовал, что заливается краской. Ему хотелось прямо сейчас броситься к «Ворону» и чуть ли не расцеловать. Обласкать, утешить, поставить носом к небу... Он думал, что новую машину возьмет командир звена. А почему, собственно? Бобров несколько лет натаскивал свой штурмовик. Боброву сейчас шлифовать и шлифовать мастерство иссиня-черной птицы, оценивать ее опыт, закреплять навыки. И коли все будет нормально, с мозга этого «Ворона» снимут матрицу и наложат на сознание доброй сотни, если не тысячи будущих машин.

Ну и зачем Боброву юный несмышлениш, летающий по учебнику?

«Совсем как я», – подумал Стас. Он был «выпущен с отличием», то есть пилотировал отменно для новоиспеченного лейтенанта, но именно поэтому не заблуждался на свой счет. Ему лишь предстояло научиться летать по-взрослому.

– Он насколько включен сейчас? – спросил Стас, не отрывая глаз от своего штурмовика.

– Пока что на полную. Все видит и слышит, уже тебя заметил, взвесил, обмерил, классифицировал. Но первый месяц будете летать в полуспячке – и тебе надо привыкнуть, и командир поглядит, насколько ты хорош. Не обижайся, просто в нашем деле выпуск с отличием не гарантия. Отличников тут и без тебя пруд пруди. Талантливых мало! – сообщил Чумак.

«Ишь ты, все-то он обо мне знает», – подумал Стас с некоторой досадой.

– Не обращайтесь внимания, Стас, – в очередной раз посоветовал Хусаинов. – Игорь шутит. Кстати, у нас в звене уже есть три талантливых пилота, места заняты. Но открыта вакансия гения.

– Я против, – возразил Чумак. – Стас! Не будь гением, ладно? Это утомительно для всех.

– И правда, – согласился Хусаинов. – Командир намучился из-за Сашки. Да и сам он намучился. «Лишение премии» – это было второе имя нашего гения.

– А «Выговор в приказе» – третье.

– А «Грубость и нетактичное поведение» – первое. Но как он чувствовал машину...

– Так же, как мы! – огрызнулся Чумак. – Просто у Пейпера гениальные рефлексы. Он на этом и попался в военкомате. Они, кретины, одного не учли: будет ли машина поспевать за его рефлексами.

– Истребитель успел бы.

– Кто же даст идиоту из экспериментального набора целый истребитель...

Стас слушал этот диалог, хлопая глазами. Он уже понял, что Чумак и Хусаинов – довольно странные офицеры. Но сейчас они с каждым словом казались ему все страннее.

«Где начинается авиация, там кончается дисциплина» – пять лет в училище от Стаса Васильева требовали, чтобы он ненавидел эту формулу всеми фибрами души, и к концу обучения он знал твердо: где начинается авиация, там кончается дисциплина. Однако эти двое не выглядели чересчур разболтанными для авиации. Они были... Вообще другие.

Ладно, решил Стас, главное, оба достаточно компетентны. А командир звена Бобров – вообще местная звезда. Был на двух войнах, отменный тактик, учитель, гуру и так далее. Если он терпел «гениального» Пейпера и терпит эту эксцентричную парочку, значит, я буду их внимательно слушать и все запоминать. А там поглядим.

– Простите... – осторожно позвал Стас. – А что значит «попался в военкомате»? Начудил с тестами?

Чумак и Хусаинов синхронно повернули головы и оглядели Стаса, как редкую экзотическую зверушку.

– Не обращайтесь внимания, Стас, – сказал Хусаинов.

– Пейпер выдал гениальные тесты, – сказал Чумак. – Тут-то его и ухватили за хвост.

Стас надвинул фуражку на глаза, давая понять, что с него на сегодня хватит.

* * *

«Ворон» был прекрасен. Чумак и Хусаинов оказались предупредительны и добры. Личный механик Стаса, спокойный немногословный дядька, знал о машине все. Дело оставалось за малым.

Летать.

Стас выгонял машину из ангара, имитировал выход на взлетную и застывал в кабине с закрытыми глазами. Сидел так по добром часу, а мог бы сидеть хоть сутками, но им обоим – ему и «Ворону» – уже мучительно не хватало воздуха.

Трижды они выкатывались целым звеном, чтобы новая машина ощутила место в строю. Впереди самостоятельно шел пустой штурмовик Боброва.

Стас все надеялся, что вот-вот Чумак не выдержит и уговорит контрольную башню дать им взлет. Полк едва шевелился, восстанавливаясь после учений. Начальство расползлось по отпускам, в том числе и «комэск-раз». Самое время для маленьких вольностей. На земле всем до лампочки, сколько пилотов сидит по кабинам, были бы самолеты в наличии. Вылетит звено без командира – никто и не заметит.

Ведь машина Боброва, «включенная на полную», это и есть Бобров, со всеми его знаниями и умениями. Командирский «Ворон» мог поднять звено и выполнить любую задачу.

Стас знал: им нельзя мешкать. Чтобы подготовить новую машину, заново добиться групповой слетанности и не выпасть из общего графика полка, надо было в темпе «откатать» всю учебную программу по второму разу от начала до конца.

Но Бобров куда-то пропал.

А Чумак молчал и делал вид, будто все идет как надо.

Через неделю утром в ангар заглянул «комэск-раз».

Старшие лейтенанты вовремя успели вскочить с чехлов.

– Вольно, – сказал комэск. – Ну-с, господа офицеры... Вы когда перестанете нарушать форму одежды? А?! И форму обуви! Что, Чумак, опять ноги потеют? Вы у меня дождетесь, я вам пропишу средство от потливости ног! Подумайте, как выглядите в глазах молодого пополнения!.. Здравствуйте, Васильев. Освоились? Знаю, что освоились. К вылету готовы? Хорошо, сейчас прокатите меня на спарке... Так я не понял, где Бобров?

– Болеет, – коротко доложил Чумак.

– Опять? Почему? Я не разрешал!

– Вы же были в отпуске, он сам заболел, – объяснил Чумак.

– Ну и зашли бы к нему, спросили, чего он болеет, – с неожиданным миролюбием сказал комэск. – Хватит уже хворать. Прямо сегодня и найдите. И пускай завтра приступает. Согласно утвержденного плана.

– Есть.

– Пойдемте, Васильев. Прогуляемся, ножки разомнем, хорошо перед вылетом.

Комэск был низенький и пухленький – не толстый, конечно. При первом знакомстве Стас разглядел начальника поверхностно и лишь сейчас, когда тот семенил рядом, понял, откуда взялось его прозвище в полку – «Винни-Пух». «Пух» для краткости. Мало того, что прозвище. Это был еще и неофициальный позывной.

Звено, куда угодил Стас, в воздухе обзывалось «Бобры», а поименно – «Боб», «Чума», «Хус» и «Немец». Стас уже морально готовился к позывному «Вася», который ему таскать всю оставшуюся жизнь. В повседневной речи «Стас» произносится легко, а в горячке боя – поди выговори две согласных подряд. В лучшем случае получится «Таз». Тазом лейтенант Васильев не хотел быть категорически.

Командира полка Козлова в воздухе звали «Козел». Считалось, что Бобров летает получше, зато на земле Козлов забодает кого угодно.

– Освоились, значит... – повторил комэск. – Как вам звено, Васильев?

– Хорошее.

Комэск изучающе посмотрел на Стаса снизу вверх.

– Не обижают?

– Зачем? – искренне удивился Стас.

– Ну... – комэск замялся. – Ну и славно.

Некоторое время он молчал. Стас подметил, что комэск не только прогуливается, «разминая ноги». Глаза его так и бегали. Он инспектировал свою территорию.

– Когда начнете летать с Бобровым... – сказал комэск. – Непростой человек... Но надежный летчик. Очень дисциплинированный... В воздухе. Очень четкий... А ваша задача сейчас – помогать машине держать строй. Бояться она еще не умеет, вот и пускай ходит за Бобровым, как привязанная. Куда он пошел, туда и вы, куда он стреляет, туда и вы стреляйте.

– Понял.

– Следите за ведущим, учитесь. «Вороны» должны беречь себя, но при этом обязаны выполнить задачу. Очень тонкая грань. Я не представляю, в каких еще войсках она так остро э-э... Так остро. Бобров чувствует эту грань. Постарайтесь и вы ее поймать.

Их догнал камуфлированный джип, неуместно веселенький на серой бетонке между серыми ангарами. Комэк и Стас вытянулись в струнку.

– Вольно, вольно, – сказал Козлов, протягивая руку комэску. – Подвезти?

– Да мы разминаемся перед вылетом. Сейчас лейтенант меня на спарке прокатит. Лейтенант Васильев, назначен к Боброву вместо Пейпера.

– Помню, помню. Ну что, Васильев, освоились... В слабом звене, хе-хе?

Комэк поморщился.

– Да ладно тебе, – сказал Козлов. – Ну я ж пошутил. Милейшее звено. Расчудесное. Если испортят мне молодого – шкуру спущу, так и передай! Я этому Чумаку пропишу микстуру от потных ног! Васильев, не вздумайте идти у них на поводу. И так уже... Слышь, Пух, захожу сейчас потихоньку в третью – и чего вижу? Механик копается в машине, а на крыле сидит молодой лейтенант. Механик ему говорит: Миша, передай-ка мне вон ту ...ёвину! И что интересно – этот Миша подает ему именно ту ...ёвину, которую механик просит!!!

Комэк деликатно посмеялся и оценил:

– Месяц дежурным.

– Неделю. Он ведь правильную ...ёвину нашел, этот Миша! А вот механика переводить надо. Знаешь Мишу?! – неожиданно рявкнул Козлов, впиваясь глазами в Стаса.

– Так точно... – промямлил Стас, машинально принимая стойку «смирно».

– Не бери с него пример, лейтенант Васильев. Ну, желаю вам счастливого полета!

Джип укатил.

– И вам чистого неба... – процедил комэк вслед джипу. – Между прочим, Васильев, командир дал ценный совет. Механик – это ваша жизнь. Он за вас бояться должен. А чего за вас бояться, если вы свой парень? Для своего парня можно сделать тяп-ляп... Напутает в настройках, вы гробанетесь, будет очень худо всем. Уважайте механика, но держите с ним дистанцию.

– Понял. Разрешите обратиться?

– Ну попробуйте.

– Почему слабое звено? – спросил Стас. – Ведь Бобров же.

На самом деле его подмывало спросить про средство от потливости ног, но это было как-то не по уставу.

Комэк тяжело вздохнул,

– Слабое звено... Рано или поздно вам расскажут. Наверное, лучше, если я. Понимаете, звено очень способное к пилотажу. В этом смысле оно сильнее некуда. Но Чумак и Хусаинов – из экспериментального набора. Очень непростые люди.

– Они... Какие-то особенные?

– А вы не заметили?

Стас думал, что ответить. На первый взгляд Чума и Хус казались славными парнями. Если что и можно поставить им в минус – так чудовищное самомнение. Но они не тыкали этим самомнением Стасу в нос. Оно просто у них было. Угадывалось в каждом слове, в каждом жесте. И выглядело органичным. А что выглядело неестественным?

Пожалуй, сам факт присутствия Чумы и Хуса здесь.

– Они же не военные! – выпалил Стас.

Комэк поглядел на него с уважением.

– Нормально, Васильев, – сказал он. – Похоже, вы еще лучше, чем ваша характеристика из училища. Только когда взлетим, без команды не выпендривайтесь, я нынче за завтраком слегка пожадничал. Вот и гуляю. Пройдемся еще чуток. М-да... Они не военные. Погоны вроде носят, а в моральном плане – не наши люди. Первого своего ведущего практически съели. Был жуткий скандал. Их раскидали по звеньям, стало еще хуже. Тогда вызвался Бобров, сам вызвался, и с ним они слетались. Вас это, в принципе, не касается, вы им не коман-

дир. Но не вздумайте учить их жизни. Загрызут. И ни в коем случае не учитесь жизни у них, слышите? Не сможете нормально служить потом. Запомните: они сами по себе, вы сами по себе!

Стас только кивал в такт репликам комэска. Он не ждал такой откровенности. Но у того, видно, наболело.

– Чумак и Хусаинов – просто не созданы для службы, – доверительно сообщил комэск. – А Пейпер, тот был вообще идиот. Настолько идиот, что его в полку жалели. Правда, у Пейпера не хватало души заметить это. Немец он и есть немец, даже когда русский... Вот, пожалуй, и все, что могу доложить.

– Но почему они не уволятся, если им тут плохо?! – почти вскричал Стас. – Зачем вообще был экспериментальный набор?

– А кто сказал, что им плохо? – удивился комэск. – Они который год пьют мою кровь! Я похудел с ними! У меня нервы ни к черту! Они тут прекрасно устроились! И куда им деваться? Их не возьмут ни в гражданские летчики, ни в испытатели. А они больше ничего не умеют! Только летать и пить мою кровь! И еще клевать мою печень!

Он умолк, отдуваясь. Тирада явно шла из самых глубин исклеванной печени комэска.

– Экспериментальный набор... – пробормотал он. – Искали талантливых. Отбирали по секретной методике лучших русских летчиков нового поколения. С врожденными способностями к пилотажу. Набрали пару сотен, а они уже в училищах брыкаться начали. Строем ходить не могут, субординации не понимают, начальство для них всегда недостаточно умное. Естественно, они же талантливые! Знают все лучше тебя, каждый в душе маршал авиации!.. Ну и поувольнялись в большинстве своем. До нас добралось от силы человек десять. На сегодня осталось двое. Месяц назад было трое, потом стукнулся Пейпер... Нет, они в принципе славные ребята, я их не виню. Вот у вас есть талант, Васильев? У вас что-нибудь получается как бы само собой?

Стас задумался. Он с детства удивительно метко бросал снежки – но не скажешь же такое комэску.

– Они летают, как мы с вами дышим, Васильев. Им пришлось только научиться управлять машиной и понять ее пределы. Всему остальному – видеть воздух, видеть землю, класть мишени с одного захода – они не учились. Сразу умели. Готовые асы. Никогда не зевают, живучесть невероятная. Ну и гонор соответствующий. Самолюбие – ужас просто. А у всех, кто нормальный, рядом с ними развивается комплекс неполноценности...

Стас представил, каково ему будет летать с пилотами, что родились «готовыми асами», и отчего-то первым делом пожалел не себя. Он-то будет учиться. Стремиться встать с асами вровень. А они?..

– Как им, наверное, тут одиноко... – предположил Стас. – Без таких же особенных вокруг.

– Что вы! – комэск даже руками всплеснул. – Чумак и Хусаинов – братья по оружию, лихоманка их заberi! – счастливое исключение... Да эти экспериментаторы терпеть друг друга не могли!

* * *

– Кто пойдет к командиру? – спросил Чумак. И сам же ответил: – Тот, кто больше всех хочет летать! А это?..

– Это Стас, – решил Хусаинов. – Он уже летал сегодня и теперь хочет еще.

– Верно. Заодно и познакомятся. Лейтенант Васильев, прими координаты. Шестая линия, дом шесть, промахнуться невозможно.

– У самой реки, – подсказал Хусаинов. – Стас, вы там ничему не удивляйтесь, будьте милы и естественны. Слишком не умничайте. Не вздумайте принести ради знакомства бутылку или еще чего. Наденьте повседневную форму. Особое внимание обратите на носки, они могут быть только уставного цвета. А то я, простите, заметил у вас давеча какие-то серые. Дать вам черные? Не надо? Хорошо.

– И не надвигай фуражку на глаза, – посоветовал Чумак. – Тебе рано еще.

На выходе из части Стас встретил Мишу. С первого дня в училище его звали просто Миша, а после выпуска – «лейтенант Миша». Он был из тех людей, которые всегда знают все про всех и со всеми друзья. Простая душа – недаром Козлов не смог наказать его строго.

Миша шел заступать на дежурство, но охотно задержался поболтать. Естественно, Миша был в курсе дел полка, будто служил тут не первый год. Наверняка он знал и про средство от потливости ног для Чумака.

Миша завалил Стаса полезной информацией. Васильеву, оказывается, и повезло, и не повезло угодить в звено Боброва. В полку его звали «слабое звено», имея в виду очевидную слабость на голову. Стас узнал, что Чумак – знаменитый склочник, Хусаинов – чудовищный зануда и интеллигент, а у Пейпера было прозвище «робот-андроид». Их ненавидели. «Экспериментаторы» сразу восстановили сослуживцев против себя, едва появились здесь. Большинство удалось выдавить на гражданку, а эта троица – задержалась. Первый их звеньевой долго терпел, но сорвался, когда Чумак начал высокомерно учить его, как надо уходить от ракеты с тепловой головкой. Взял и надавал Чумаку по морде. Звено в ответ скрутило командира и искупало в отстойнике. Это в полку называется «петля Чумака». Так же называли уникальный маневр ухода от ракеты, прописанный теперь в мозгах всех «Воронов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.